

18+

КОРОЛИ
ФРАНЦУЗСКОГО
ТРИЛЛЕРА

МАКСИМ ШАТТАМ

ВО ТЬМЕ

Максим Шаттам
Во тьме
Серия «Короли
французского триллера»
Серия «Трилогия зла», книга 2

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67980638*

Во тьме: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-127445-0

Аннотация

Поздно вечером с криком о помощи по парку бежит обнаженная израненная женщина, обезумевшая от боли. Первая выжившая жертва в целой цепочке ужасающих преступлений.

Изошренная жестокость, с которой совершены пытки и убийства, шокирует даже бывалых полицейских. Количество жертв вызывает животный страх и ощущение, будто имеешь дело с целой сектой маньяков. «Имя им легион...» – так выведено кровью на стене секретной комнаты.

Джошуа Бролен, ставший частным детективом, проникает в тайный порочный Двор Чудес, чтобы выяснить, кто находится во главе этой жуткой секты.

Вторая часть цикла «Трилогия зла».

Содержание

Пролог	5
Часть первая	10
1	10
2	14
3	22
4	30
5	42
6	55
7	69
Часть вторая	77
8	77
9	85
10	94
11	102
12	114
13	133
14	137
15	145
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Максим Шаттам

Во тьме

Maxime Chattam
IN TENEBRIS

© Éditions Michel Lafon, 2003, In tenebris

© Петров М., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*Позвольте мне дать вам небольшой совет:
дождитесь наступления ночи, зажгите ночник и
тогда открывайте эту книгу.*

Максим Шаттам, Эджкомб, январь 2002.

*Дьявол может цитировать Писание для своих
целей.*

У. Шекспир, «Венецианский купец»

Пролог

12 апреля 1997, где-то над Колорадо

Харви Моррис откинул столик, расположенный в спинке переднего сиденья, и положил на него свои кварцевые часы. Равномерный гул в салоне самолета изредка прерывался постанываниями ребенка, сидевшего через несколько рядов. Пассажиры погрузились в просмотр фильма или спали, свесив головы.

Откинувшись в кресле, Харви смотрел в иллюминатор, при этом его пальцы нервно постукивали по подлокотнику. Он больше не мог ждать. Каждая минута растягивалась до размеров часа, пропорционально увеличивая и время его мучений. Начала болеть спина, было необходимо размять ноги, но спавший сосед мешал ему выйти. Он посмотрел на часы, как будто это могло что-то изменить. 16:42. Ничего нового.

Лишенный возможности курить, он сунул в рот очередную жевательную резинку, пятую с момента взлета. И речи быть не могло, чтобы он согласился наклеить на себя один из тех пластырей для курильщиков, которые раздавали желающим стюардессы. «Кто знает, не становятся ли они причиной рака кожи, в конце концов?» – повторял он раздраженно.

Харви вздохнул. Ему был виден лишь бесконечный лазурный небосвод и на нем, далеко внизу – длинный мальтоно-

вый плюмаж.

Радиолокатор Боинга 747 Континентальных авиалиний, двигавшегося на высоте 30 000 футов со скоростью 325 узлов в час, показывал давление воздуха в 300 миллибар, что соответствовало атмосферному давлению на вершине Эвереста.

Самолет величественно парил над морем опаловых облаков, скользил в синеве небес, среди неподвижных белых «барашков». Солнечные лучи отражались от его корпуса, вспышки света появлялись то тут, то там, будто отблески на гранях небольших бриллиантов. И вдруг сквозь один из закрытых иллюминаторов проскочила искорка.

В этом не было ничего сверхъестественного, просто короткая вспышка света.

Остальное длилось меньше секунды.

Мгновение спустя фюзеляж, казалось, съежился, словно кто-то разом высосал из него весь воздух: так сжимается пакетик с соком, когда пьющий залпом вытягивает через соломинку все содержимое. Тонна герметизированного воздуха вырвалась в атмосферу.

И одновременно появилось пламя.

Внутри корпуса возник огненный шар, тут же распространившийся по всему самолету. Иллюминаторы осветились, скорлупа треснула, взрыв керосина в баках буквально расплавил крылья. Огромный хвост, выкрашенный в цвета авиакомпаний, отломился и распался на множество оскол-

ков. Четыре мотора «Роллс-Ройс RB-211» общим весом шестнадцать тонн за один краткий миг растворились в небе на расстоянии в несколько километров.

Четыре с половиной миллиона деталей, из которых состоял борт СО-4133, почти бесшумно растаяли в пространстве.

На 9150 метров ниже, на лугу в траве лежал пятнадцатилетний паренек. Щебет мелких птиц и крики пустельги, в которые вклинивалась трескотня сверчка, ритмично обволакивали его, и лишь они нарушали общую тишину. Зажав губами травинку, он думал о Джессике, девочке, которая обычно сидела рядом с ним на уроках математики. Он как раз смотрел в белизну облаков, когда в них что-то блеснуло. Вспышка была короткой, но такой яркой, что он сравнил ее с блеском лампы на воображаемом небесном маяке, включившейся, чтобы помочь терпящему бедствие кораблю. Но поскольку вспышка больше не повторилась, паренек быстро забыл о ней и вновь погрузился в свои подростковые грезы.

Когда вечером СМИ рассказали об авиакатастрофе, он даже и не вспомнил о том, что видел.

Триста двенадцать пассажиров и членов экипажа погибли без единого свидетеля.

Когда снега Скалистых гор стали покрываться пурпурными бликами – как будто специально нужно было дожидаться сумерек, чтобы рассказать о смерти, – состоялась пресс-кон-

ференция. На ней присутствовали члены НУТБ¹ и ФАА², а также несколько представителей авиакомпании. Кривя губы, они заявляли, что пока не знают, что произошло, произносили термины «несчастный случай» и «техническая неисправность», словно заранее извиняясь перед встречей с семьями погибших.

Даже спустя несколько лет, несмотря на расследование, причина «инцидента» так и осталась невыясненной. Долгие всего причиной случившегося называли короткое замыкание, не имея, впрочем, никакой возможности проверить это. Никто так ничего и не узнал. Некоторые шептали, что речь идет о теракте, совершенном по заказу людей из правительства, другие тихо говорили, что такова воля г-на Хаоса, третьи рассуждали на тему Зла... Все это были домыслы.

Расследование трагедии предшествовало появлению того чувства ужаса, которое ощущается до сих пор.

Сразу после взрыва случились еще более кровавые события: наружу из своего кокона, медленно расправляя крылья, выбрался монстр. Взрыв самолета мог бы стать ключом к разгадке всего произошедшего потом. Шагом к пониманию, приближением.

К убийце. Бесплотному, безымянному, похожему на тень, скрывающуюся на самой верхушке общества, над *обычными* людьми.

---

¹ Национальное управление транспортной безопасности.

² Федеральное авиационное агентство.

Невидимке.

Бруклин, январь 2002

Часть первая

Не бывает процветающей цивилизации без изрядного количества пороков.

Олдос Хаксли, «О, дивный новый мир»

1

Нарушив спокойствие начинающегося вечера, в темноте просигналил клаксон. Затем, еще пронзительнее и резче, заскрежетали об асфальт шины.

Фары выхватили из темноты одинокую, уходящую куда-то вглубь дорожку. Однако на ней уже не было ни намека на какую-либо тень. Та промелькнула слишком быстро.

Несколькими метрами далее завизжала, резко уйдя вбок, еще одна машина, мощно изобразив гудком подобие протеста.

Она бежала, оглохнув для той суеты, что творилась вокруг, – ей были слышны лишь тяжелые удары собственного сердца, кровь кипела; она была полностью охвачена паникой.

...Он тут! Он догоняет! Он прямо позади меня! Сейчас он протянет руку, и его пальцы меня схватят! Я чувствую, он тут!

Она бежала, спасая свою жизнь.

Ее худой силуэт, скорее, призрачный намек на человеческое тело, подскакивал, выставя напоказ слепящим фарам машин, голое тело, и они, казалось, стыдливо норовили побыстрее отвернуться.

Ужасный концерт разыгрывался на краю парка, звуки отражались от стен соседних зданий, одна за другой неподвижно замирали машины. Две из них столкнулись, добавив к музыкальной партитуре импровизацию на тему «препятствие на дороге».

Он приближается! Быстрее! Быстрее! Сейчас он схватит меня!

Она больше ничего не чувствовала. Ни своего жаркого дыхания, рвущегося из груди, словно из жерла вулкана, ни жестоких укусов неровной почвы, впивавшейся в потрескавшуюся кожу ступней. Она бежала, спасая свою жизнь, и после каждого ее шага на земле оставался кровавый отпечаток. Без малейшего колебания, не отдавая себе отчет в том, что делает, она бросилась сквозь кусты, мгновенно пересекла их и выскочила на другую проезжую часть, прямо перед тяжелым грузовиком.

Резина колес в один миг была проглочена асфальтом, когда водитель ударил по тормозам; на дороге остался длинный кривой след. Этого было недостаточно, и водитель давил на педаль уже стоя. Двенадцатитонник пересек разделительную полосу, зацепил стоящий грузовичок и снес фонарь, закончив свой вираж на тротуаре.

Беги! Беги! Он догоняет! Его рука уже здесь, прямо за тобой, сейчас он схватит тебя! Беги!

Она уже чувствовала губительное дыхание смерти у себя на плече, это дыхание спускалось на грудь и пронзало ее насквозь. Безостановочно.

Издалека за происходящим наблюдали двое прохожих – сцена заняла не более тридцати секунд: голая женщина, бежавшая зигзагами, пересекла обе части проспекта и исчезла во мраке парка. Лицо бегуни исказила гримаса истерии – мужчина был в этом убежден, но ему пришлось взглянуть на жену, чтобы убедиться, что это не было всего лишь кошмарным видением. Его спутница, разинув рот, пребывала в состоянии шока. На голове сумасшедшей она заметила большое ярко-красное пятно.

Город исчез позади бегущего силуэта, проглоченного таинственным сумраком густых ветвей – природа оставалась равнодушной к человеческим страстям; даже фонари, насаженные здесь цивилизацией, были бессильны что-либо изменить.

Она бежала и бежала, пот ужаса смешивался с потом от невероятных усилий, его капли скользили по телу, несмотря на холод. Она взбежала по тропинке, покрытой мертвыми колкими сучьями, и решила свернуть направо.

Быстрее! – в отчаянии крикнула она, чувствуя, что изнемогает.

Сотрясаемое внезапным спазмом, ее тело подпрыгнуло,

все члены начали дрожать, покрываясь гусиной кожей.

Головокружение, не отпускавшее ее, пока она бежала, усилилось настолько, что рассудок помутился, волна ужаса накрыла женщину, и она потеряла сознание. Ее ноги стали заплетаться в тот момент, когда она пробралась сквозь низенькую изгородь и затем пустилась бежать вниз по склону между деревьев.

Десятью метрами ниже, на заросшей шиповником лужайке, она рухнула на землю.

Прижав руки к бокам, а ноги к животу, она лежала, похожая на забытую мадонну, под невозмутимым взглядом луны, чье отражение скользило по поверхности большого озера.

Она еще дышала.

В Бруклин-Хайтс есть улица, нависающая над Манхэттеном, – темная полоса бетона над заливом; его облюбовали для прогулок семейные пары и пожилые люди. Вдоль него выстроились высокие, тесные дома с барельефами на фасадах, множеством своих окон озаряющие ночную тьму. Под крышей одного из них мерцал странный луч света.

Это был стеклянный купол, похожий на выплывающий из ангара светящийся воздушный шар.

Если бы кто-нибудь забрался так высоко, он был бы удивлен, обнаружив на вершине стеклянного купола несколько семечек подсолнуха, оставленных для птиц.

Взглянув метра на четыре вниз, сквозь этот купол, можно было бы разглядеть паркетный пол и канапе, покрытое пестрой расцветки андийским пледом.

Теплая гостиная, защитный кожух, в котором уютно любому посетителю.

На низком столике испускала струйки дыма, причудливо завивавшиеся в танце-фантазмагории, ароматическая лампа. В этот момент случайный посетитель, увлеченный простотой обстановки, не удержался бы от искушения осмотреть комнату чуть внимательнее. Как раз в тот миг, когда он преодолел бы последнее сомнение, он увидел бы лошадку-качалку, сделанную из тикового дерева. Идеальная игрушка,

великолепная сохранность которой свидетельствовала о том, что пока ни один ребенок не забавлялся, сидя на ее спине.

Сделав шаг-другой, гость приблизился бы к красной кирпичной стене, от которой исходил теплый свет, излучаемый тремя светильниками. Четыре сосуда-канопы выстроились здесь в цепочку. Их ужасное содержимое заменял плющ, вытянувший свои побеги в пустоту. Возле этого признания в любви фараонам и Вакху висела литография, изображавшая висячие вавилонские сады. В углу рисунка синими чернилами корявым почерком было написано: «Аннабель, райской музе. Маленький сад для моего чуда».

Прочтя столь искреннее признание, любопытствующий постарался бы сделать полуоборот и улететь сквозь купол, но был бы вынужден остановиться, потому что внимание его не могла не привлечь другая стена. Снова красные кирпичи, почти гладкие, и на них – африканские маски с гипнотизирующей мимикой. Ничего определенного, ни глаз, ни рта, скорее, просто дыры, сделанные для того, чтобы давать выход эмоциям хозяина маски. Между двумя раскрашенными лицами – множество фотографий. Сотни запечатленных мгновений, пойманных в кадр эмоций, помещенных рядом друг с другом.

Преследуя лишь одну-единственную цель – узнать больше – посетитель пересек бы гостиную. Он прошел бы мимо канопе и низкого столика, ступая по ковру из тонкой шерсти, и с первого раза не заметил бы мерцания эквалайзеров

hi-fi магнитола. И тогда он впервые услышал бы музыку. Очень тихую, нечто среднее между шепотом и тишиной, напоминающую галлюцинацию. Гармоничные переливы – может быть, композиция группы «Шаде» или фрагмент чувственного джаза. Однако ничуть не сомневающийся в своих намерениях гость снова вернулся бы к разглядыванию фотографий.

Большая часть их запечатлела экзотические пейзажи. Снег, солнце, песок, буря, храм, церковь, Петра, Каппадокция и множество других мест – столь же разнообразных, сколь многочисленных. Тут и там, среди этого двухмерного мира, мелькали силуэты. Особенно повторялись изображения пары, часто обнимающейся, иногда очень нежно. Мужчина с длинными темными волосами был не особенно красив, скорее его облик можно было назвать обычным, однако его улыбка была очаровательной, а взгляд приветливым. Рядом с ним – женщина, несколькими годами младше мужчины. Благородный цвет ее кожи и длинные черные косы свидетельствовали об африканских корнях – скорее всего, она была полукровкой. На фотографиях мужчина часто гримасничал, вызывая дикие приступы смеха у своей спутницы.

Разглядев все это, посетитель мог бы позволить себе познать интерьер еще немного, тем более что слабое постукивание двери справа могло привлечь внимание. Толкнув ее, он бы очутился в тесной и длинной кухне. Нерационально расставленная мебель превращала пространство помещения

в узкий коридор.

В глаза сразу же бросились бы пистолет и кобура от него, лежавшие поверх тонкого ежедневника. «Беретта» калибра 9 мм.

В глубине кухни он бы увидел женщину с фотографии, помешивавшую что-то деревянной ложкой в кипящей кастрюле. На фотографиях она немного похожа на Анжелу Бассет, но наяву она скорее смахивает на Анджелину Джоли, только кожа у нее более матовая, чем у актрисы. Погрузившись в чтение книги «Над пропастью во ржи», она не чувствует, как по ее руке поднимается пар. Несмотря на бесформенный пуловер, спадающий на брюки, видно, что у нее атлетическое телосложение. На ногах женщины – плетеные туфли.

С этого расстояния ей можно дать лет тридцать или чуть больше. Естественно-смуглая кожа говорит в пользу афроамериканского происхождения отца или матери, или же кого-то из дедушек-бабушек. Заплетенные косички стянуты в неровный пучок, заколотый китайской шпилькой. Полные, розоватые губы, изящный нос и огромные глаза – черные бездонные колодцы. Она задумчива, даже сосредоточенна. Положила ложку и перевернула страницу так быстро, что чуть надорвала ее. Ее зовут Аннабель О’Доннел.

Вот уже четыре года она – детектив 78-го Бруклинского участка и сегодня вечером вполне готова приступить к ужину, который станет достойной наградой за дневные труды. Но всего этого оказалось бы уже слишком много для любо-

пытного посетителя, и, пройдя мимо прислонившейся к окну Аннабель, он растворился бы в ночи.

В это окно с высоты Бруклинского холма виднелись Манхэттен и его сверкающие башни.

...Сидя на разноцветной софе, Аннабель ела спагетти, не отрываясь от чтения и слушая музыку. Полночь близилась, но если тело женщины чувствовало усталость, то рассудок, напротив, был свеж. Она жадно читала страницу за страницей. С самого раннего детства она обожала читать. В углу салона кучами лежали книги, некоторые из них пожелтели, башни из бумаги грозили рухнуть. Аннабель никогда не приобретала книжные полки, ей нравился пыльный шарм всевозможных нагромождений, росших от года к году. Она не выбрасывала ничего, даже журналы, набивая ими плетеную корзину. Все журналы, попадавшие ей в руки, также оказывались либо в ящиках, либо в картонных коробках, там же вперемешку лежали неудачные фотографии или билеты в кино, сохраненные в память о приятных вечерах. В целом же ее квартира была довольно просторной – немного мебели и огромное количество украшений; женщина позаботилась о том, чтобы ее мании не бросались в глаза.

Возле софы горела одна-единственная лампа, ее абажур был сделан из кожи верблюда; эту лампу мужчина с фотографии привез Аннабель два года назад. Женщина читала,

читала и читала – до тех пор, пока последняя страница книги не раскрыла ей все тайны и не подтвердила сделанные ею выводы. Некоторое время она размышляла, с восхищением разглядывая сквозь стекло теперь лишь частично видимый Манхэттенский skyline³. У подножия зданий сливались Гудзон и Ист-Ривер, превращаясь в одно гигантское черное пятно.

Аннабель вздрогнула. Возле ее головы зазвонил телефон.

У нее не было привычки разговаривать по домашнему телефону так поздно. Рабочие звонки приходили ей только на мобильный. Протянув руку к этажерке, на которой стоял аппарат, Аннабель сняла трубку.

– Аннабель, это я, Джек, – сразу произнесли на том конце провода.

– Джек?

Джек Тэйер был ее напарником. И как любой напарник, он стал для нее значить немного больше – он стал другом, которому Аннабель доверяла. Но он звонил ей по городскому номеру очень редко и всегда – в урочные часы.

– Разбудил? – спросил он без малейшего намека на извинения в голосе.

Его тон был властным, видимо, что-то срочное, что-то серьезное.

– Нет, но я уже не на службе. Ни сегодня вечером, ни тем более сегодня ночью. И для тебя и для всех остальных, – де-

---

³ Линия горизонта (англ.).

ловым тоном закончила Аннабель.

– Слушай, я тут немного задержался, чтобы составить компанию ребятам, и... Только что наткнулся на нечто важное. Ты мне нужна.

– Что? Как, прямо сейчас? Ты смеешься, Джек! Я...

– В Проспект-парке только что нашли женщину, – перебил он ее. – Голую и...

Аннабель слушала, предвкушая самое худшее.

– Тебе нужно приехать, ей необходимо, чтобы рядом была женщина, – закончил Джек Тейер. – Она все еще в шоке.

– Джек, сегодня ночью на нашем участке работают другие детективы, почему именно я?

Казалось, на другом конце провода раздумывают. Да, детектив Тэйер, никогда не терявший времени попусту и нерезально честолобивый, словно собирался с духом.

– Возможно, ее похитили, – подытожил он.

Сердце Аннабель сжалось. Она закрыла глаза. Волшебные слова: «похищение» и «исчезновение». Весь 78-й участок знал, что не стоит произносить эти слова при ней. Ни в одной из двух подобных ситуаций она не оказывалась, но каждый раз переживала их с затаенной болью.

Аннабель попыталась выбросить все это из головы, не дожидаясь того, чтобы дурнота накрыла ее, и спросила:

– А что с обстоятельствами?

Джек Тэйер глубоко вздохнул, словно набираясь мужества, чтобы ринуться в бой.

– Один из охранников парка обходил вокруг озера, когда у него сработала рация. Суматоха была вызвана «голой женщиной, куда-то бежавшей в истерике» в начале вечера. Она исчезла в южном конце парка, в Перголе на Парксайд-авеню. Коллеги этого охранника попросили взглянуть на это. И он нашел женщину – она была в полубредовом состоянии.

Тейер снова выдержал паузу, подыскивая слова.

– Думаю, тебе стоит приехать, – закончил он недовольно. – Охранник, обнаруживший женщину, решил, что она сама сделала это с собой, что она сумасшедшая. Но мне это кажется невозможным; кто-то ее...

– Что, Джек? Что с ней?

Казалось, он вновь колеблется.

– Не по телефону. Тебе самой нужно все увидеть, приезжай, я на вилле Личфилд, у лесников.

В течение следующей минуты Аннабель взяла пистолет, надела пуловер потеплее и захватила куртку. Наэлектризованная контрастом между своим состоянием первоначальной сосредоточенности и быстротой последующего телефонного разговора, она невольно встряхнула головой, направляясь к машине.

Ей потребовалась пара минут, чтобы отдышаться, держа руки на руле; потом она повернула ключ зажигания.

Под угрюмым взглядом не покидавшей Бруклин луны Аннабель пересекала город, похожий на укрепление варваров.

Расположенная в глубине западной части Проспект-парка вилла Личфилд была похожа на корабль, потерявшийся в ночи. Окна светились среди зелени дубов и кленов, над тесной дорогой, извивавшейся по направлению к крошечной стоянке. Белые верхушки башен коричневого особняка доминировали над лесным пейзажем, возвышаясь посреди двухсот десяти гектаров частной собственности, похожих на огромное бесформенное пятно в средоточии бруклинских улиц.

Аннабель знала этот дом. Проспект-парк был прикреплен к 78 участку еще в 1993 году, и ее часто отправляли сюда разбираться с теми или иными проблемами, возникавшими здесь. Тем не менее она ни разу не была на вилле Личфилд ночью; шикарное жилище в темноте напоминало мрачный маленький замок.

Она хлопнула дверью своего полноприводного БМВ и направилась к входу. На столбе трепетали от ветра еле видимые в темноте флаги. Аннабель вдруг представила себе шум крыльев гигантских летучих мышей. «Здорово придумала, – сказала она себе. – Ничего лучше в голове не родилось?»

Поднявшись по ступенькам крыльца, она ощутила всю серьезность ситуации, заметив волнение, царившее в холле.

Вилла, сдаваемая в аренду под офисы, в темное время суток пустовала. Однако сегодня в половине первого ночи пол-

дюжины мужчин в форме лесников, нервно переговариваясь, меряли шагами первый этаж. Большинство из них грелись, держа в руках стаканчики с дымящимся кофе. Когда Аннабель вошла, один из них, высокий блондин с изящно подстриженными усиками, приблизился к ней и протянул руку.

– Детектив... м-м, О’Доннел?

Аннабель кивнула.

– Меня зовут Стенли Бриггс, это я ее нашел, – пояснил он с едва заметной гордостью. – Идем, ваши коллеги на втором этаже.

Он повел ее к крутой, плохо освещенной лестнице.

– Не обижайтесь, – произнесла Аннабель дружеским тоном, – но когда это в парке были охранники вроде вас? Здесь есть специальная бригада, которая должна этим заниматься, но насколько мне известно, они не патрулируют по ночам.

– Именно по этой причине мы и находимся тут, мисс.

– Миссис.

– А, простите. Мы охраняем часть «Альянс Проспект-парка», следим за порядком. Несколько месяцев банды желтых бесчинствуют по ночам и портят нам всю картину, поэтому мы организовали группы добровольцев, которые могли бы нам хоть немного помогать. Мы не хотим обращаться к полиции, зная, что вы не можете успевать всюду, мне известно про Третью авеню, где каждая ночь для вас оборачивается неприятным сюрпризом, поэтому мы решили справиться

сами.

Аннабель только моргнула, следуя за Бриггсом и глядя ему в спину. Добрая воля, конечно, штука хорошая, но иногда она становится источником проблем, особенно для полиции.

– Мы расположились здесь, – произнес охранник, толкая дверь.

Перед тем как войти, Аннабель пожала ему руку и поблагодарила, предложив таким образом побыстрее оставить ее – без формальностей и объяснений. И закрыла дверь за собой.

Джек Тэйер сидел на стуле. Дневная усталость подчеркивала морщины, уже заметные и в обычное время. Это был невысокий, нервозный мужчина лет сорока, с короткой стрижкой, с волосами цвета соль с перцем, всегда одетый в один и тот же мятый костюм. Налицо было его явное сходство с шаблонным типажом полицейского детектива. Он не курил, не пил кофе, тем более не был грубияном. Настоящий трудяга, человек активный, но не лишенный некоторой задумчивости. Увлекаясь поэзией и театром, он постоянно таскал в кармане куртки записную книжку: убивать время в тоскливые моменты. Там – а также на ксерокопиях ордеров – он карябал советы своих собратьев-философов. Он всегда был готов помочь и утешить. Для Аннабель Джек стал чем-то вроде своего «домашнего» Марка Аврелия, по крайней мере, размах у него был не меньше императорского. Сам он говорил, что «эллинская дисциплина» для него – досадная

необходимость нарушать равновесие между умом и телом в пользу первого, хотя Джек и находился в прекрасной физической форме. Эту фразу, своего рода ремарку, нравившуюся Аннабель, он начал произносить с первых мгновений их совместной работы. Четыре года подряд восемь часов в день в компании Джека Тэйера прошли так же быстро, как какой-нибудь горячий спор. Иногда они доверяли друг другу то, о чем не рискнули бы рассказать близким, и вместе искали решение проблем каждого из них.

Сейчас же Джек смотрел на Аннабель своими серыми глазами, и ей показалось, что в этом взгляде мелькнуло облегчение. Джек поднялся и сунул в карман куртки томик Теннесси Уильямса.

– Сожалею, что заставил тебя прийти. Когда в участок позвонили, я рванул сюда. Но как только я увидел эту женщину, сразу подумал о тебе.

Он произнес это так, словно готовился заранее. И подбородком указал в глубь комнаты, за спину Аннабель.

Лежавшее на кровати тело женщины было завернуто в одеяло и прижато спиной к стене. Глаза были закрыты, лоб бороздили морщины. А на ярко красном черепе были видны многочисленные порезы.

Толстая корка покрывала голову там, где должны были находиться волосы – как будто материки дрейфовали в огненном океане. Черепная коробка с бесценным содержимым человеческого мозга мелко вздрагивала.

Женщину скальпировали.

Аннабель резко повернулась к напарнику.

– Джек, что она делает здесь? – произнесла она, переходя на шепот, несмотря на внезапно возникший гнев. – Она должна быть в больнице!

Тэйер поднял руки, успокаивая ее.

– Знаю, сюда ее принесли охранники. Когда мне позвонили, я сразу же приехал и вызвал «Скорую». Она стоит за домом – на случай, если какому-нибудь журналисту приспичит заглянуть сюда. Медики уже осмотрели женщину и готовы в любой момент отвезти ее в методистский госпиталь. Поэтому успокойся. Менее чем через десять минут она окажется в руках опытного врача.

Взгляд Аннабель отразил все то, о чем она думала. Женщина, наверное, находилась здесь почти целый час!

– Она приходила в сознание с того момента, как ее принесли сюда? – спросила детектив.

– Нет, она бредила, как наркоша, когда ее нашел охранник. Ползла по земле.

Аннабель тронула рукой губы, не рискуя представить, в каком аду побывала эта женщина. Она приблизилась и прикоснулась к ее лицу медленным материнским жестом. Почувствовав прикосновение, неизвестная разжала губы и издала приглушенный стон; Аннабель поспешила успокоить ее, поглаживая щеки. Женщина с красным черепом немного успокоилась. Насколько детектив смогла понять, раны были

в целом не опасными, однако она с испугом подумала о том, что может начаться заражение. Надрезы были сделаны не очень ровно. Несколько раз лезвие – возможно, скальпель – соскользнуло вглубь, оставив небольшие багровые разрезы. Скорее всего, кто-то срезал скальп от затылка ко лбу и кое-где проткнул кожу.

– Как эти тупицы могли подумать, что она изуродовала саму себя? – поразилась Аннабель. – Неужели это действительно так – то, что ты сказал мне: будто охранник решил, что она сумасшедшая?

Джек кивнул. Он повернулся к столу и взял с него какой-то предмет, который протянул коллеге.

– Вот, посмотри, у них была причина так думать. Это она держала в руке.

Аннабель взяла пластиковый пакет и не смогла сдержать гримасу отвращения, увидев внутри средней длины черные волосы, на одном из концов которых висели лоскуты кожи. Кровь уже засохла, видимо, скальп сняли довольно давно, причем сделали это крайне неаккуратно.

– Боже мой!

– Как скажешь. Кроме того, на ее теле видны множественные следы ударов. Хотя тут нет увечий, которые невозможно нанести себе самому, я не думаю, что она сбежала из психиатрической лечебницы. Стенли Бриггс, нашедший ее, утверждает, что она озиралась, как под кайфом, прежде чем отключиться.

– Почему ты так уверен, что она не сумасшедшая? – спросила Аннабель, уже зная ответ.

– Посмотри на ее череп. Это сделали вчера или позавчера. Все уже засохло. В психиатрической лечебнице она не смогла бы это сделать. Я сомневаюсь, что голая женщина с такой головой могла бы незамеченной разгуливать посреди Бруклина в течение двадцати четырех часов.

Повисло долгое молчание. Детективы смотрели друг на друга. И каждый из них в душе согласился с этими выводами.

Когда дверь распахнулась, впуская двух мужчин с носилками, Аннабель протянула пакет Тэйеру обратно.

– ОК. Предупреди капитана или дежурного офицера, что мы закончили. Я поеду с этой женщиной в больницу, а ты отвезешь волосы в лабораторию.

Джек кивнул, на его лице появилась циничная улыбка. Ему нравилось, когда Аннабель брала дело в свои руки – тогда она блистала, напоминая решительную флорентийскую любовницу на пороге последнего акта драмы. «Жаль, что это всегда происходит при самых серьезных обстоятельствах», – сказал Тейер про себя.

Он уже уходил, когда Аннабель коснулась его.

– Спасибо, Джек.

Она знала, что Тейер не случайно принял этот вызов. Он был в здании участка, когда узнал о случившемся, и тогда решил действовать – ради нее.

Искренне улыбнувшись, Тейер уехал.

Джек был единственным во всем 78-м, кто стремился дать пищу навязчивой идее Аннабель. Только он один задумывался над тем, что каждое расследование похищения или исчезновения человека, над которым она работала (впрочем, они были достаточно редкими), становилось для детектива благом, а не тяжелой обязанностью; что каждое из них давало ей надежду.

Надежду, что она продержится еще год.

Аннабель вышла замуж в июне, а спустя восемнадцать месяцев Брэди исчез. Утром она ушла на работу, а вечером он не вернулся домой. Ни слова, ни строчки. Его просто больше там не было. Не хватало лишь его портфеля и куртки, все бумаги остались на месте. Брэди был известным репортером, работал в основном за границей, часто – на «Нэшнл Джеографик». Но тогда, 17 декабря 2000 года, до ближайшей командировки ему оставалось два месяца. Они готовились встретить Новый год вместе, подальше от гипериндустриальной Америки, остановив свой выбор на диком побережье одного из Мальдивских островов. Аннабель терпеть не могла принимать решение о поездках, пользуясь проспектами турфирм, из которых прямо в лицо путешественникам бьет неприкрытое желание содрать с них деньги. Ну, пусть... Отпуск выглядел там подобием кости, которую кидают собаке, в преданности и повиновении которой хотят быть уверены. Аннабель путешествовала и возвращалась, чтобы подолгу работать и однажды отправиться в новое путешествие. Ничто в жизни не давалось даром, считала она, рождение человека становилось лишь первым шагом, а дальше нужно было платить за все последующие шаги, чтобы как можно дальше отодвинуть окончательный расчет. Размышляя таким образом, Аннабель отказалась от мысли завести ребенка. Она лю-

била мужа и свою работу, все прочее было не более чем литературой. С юности она помнила формулу Честертона: «Литература – роскошь, вымысел – необходимость». Она применила его к собственной жизни, разделив ее надвое: то, что относилось к роскоши, и то, что было вымыслом; последнее служило для нее источником энергии. Поэтому она и отказалась от ребенка: он *был для нее роскошью*; она уклонилась от ответственности шагнуть в эти дебри; взамен окружив себя размышлениями о любви и редкими минутами развлечения. Роскошь и вымысел. Остальное составляли ежедневные профессиональные заботы.

Аннабель была сплошным ходячим парадоксом. Детектив по собственному страстному желанию, ежеминутно восстающая против системы, горячо нуждающаяся в свободе. Она отдавала себе отчет, что особенно горько оплакивает чужие потери – все те страдания, вкус которых она не сможет ощутить.

Потом пришла ее очередь.

Все произошло в течение одного дня. Словно легкий поцелуй, который в течение долгих последующих недель вспоминается с тяжелым сердцем и с непрестанными сожалениями.

В тот день Брэди понадобилось выйти за фотоплёнками – нужно было отпечатать с негативов фотографии его последнего репортажа, посвященного архитектуре Гауди в Испании. Он предупредил Аннабель, что купит чего-нибудь к

ужину – ничего рискованного. Однако вечером Аннабель открыла дверь в их квартиру, показавшуюся ей невероятно пустой: он исчез абсолютно без какого бы то ни было мотива. Ее беспокойство стало перерастать в тревогу.

Он исчез, не оставив ни одного следа.

В течение последующих недель, а затем и месяцев она мучилась всеми возможными вопросами. Не переставала убеждать себя, что Брэди похищен. Доказывая, что он не мог вот так взять и сбежать из их совместной жизни. Так поступали некоторые мужчины, являя романтическое малодушие, достойное былых времен, но здесь был явно не такой случай. Тогда она стала колебаться, какой вариант все-таки «предпочтительнее»: похищение силой или добровольное бегство с супружеского ложа, поэтому обратилась к психотерапевту; курс длился восемь месяцев. Год спустя Брэди так и не нашелся, на его персональных счетах не было замечено никакого движения денежных сумм, родители и сестра тоже не знали о нем ничего. Сомневаясь и задавая себе невероятное количество вопросов, каждый раз, когда взгляд падал на вторую подушку на кровати, Аннабель продолжала жить в одиночестве. Из одиночества родилось желание расследовать дела, связанные с похищениями или исчезновениями, случавшимися в ее округе, несмотря на то, что они были крайне редкими и обычно связанными с проблемой невнимательного присмотра за ребенком. Втайне она надеялась, листая дела, однажды наткнуться на имя мужа, по крайней

мере, понять, почему он мог уйти. Узнать истину.

И больше не страдать...

* * *

Неизвестную с окровавленным черепом принял методистский госпиталь, и Аннабель устроилась в его холле возле телефона. Несмотря на поздний час, она решила обзвонить все психиатрические центры Нью-Йорка и начала с больниц Кингсборо, Вардайленда и Дартмура, пытаясь выяснить, не сбегала ли от них пациентка. Как она и ожидала, на телефонные звонки никто не ответил. К двум часам ночи одетый в зеленый халат врач подошел к ней, поправляя очки и протирая глаза, видимо, болевшие от недостатка сна.

– Вам известно, кто она? – спросил доктор скептическим тоном.

Аннабель ответила отрицательным жестом.

Доктор вздохнул и продолжил:

– Ладно. Мы только что закончили ее осматривать, она все еще в шоке и переживает гипотермию, но в целом все нормально. Сейчас она без сознания.

Несмотря ни на что, врач выглядел заботливым. Две морщинки справа и слева от носа свидетельствовали, что он пребывает в некотором затруднении.

– Она проглотила большое количество какого-то наркотика, – добавил он, – Поэтому анализ крови может быть неточ-

ным. Я предпочел бы это выяснить. Мы сможем узнать больше завтра утром.

Аннабель кивнула, засунула руки в карманы – холод и усталость начали наваливаться на нее. И проговорила:

– Я спрашиваю себя, что же с ней произошло, доктор. Когда я обнаружила эту... рану на голове, я почти надеялась, что эта женщина сбежала из психушки – это бы все объяснило.

Врач посмотрел на нее, потом перевел взгляд на свои ноги:

– Маловероятно, детектив. Не думаю, что она сама себе это сделала, в смысле, я говорю о ее... – Он показал на свой собственный череп. – В общем, о коже на голове.

Он пытался справиться с замешательством, подыскивая слова, потом продолжил:

– Ее изнасиловали. Несколько раз. Заметны повреждения, которые явно наносились подряд в течение нескольких дней. Мы нашли даже сперму.

Аннабель провела рукой по волосам. Не оставалось сомнений, что речь идет об уголовном деле.

– Мы составили предварительный отчет для вашей базы данных ДНК. На ее теле следы многочисленных ударов, оно все в ссадинах и кровоподтеках...

В задумчивости врач наморщил нос. Морщины обозначились еще более явственно.

– Что? – забеспокоилась детектив. – Что еще?

– У нее... У нее отметины на левом плече, типа татуировки.

– Хорошо, – с облегчением выдохнула Аннабель, ожидавшая явно не этой информации. – Может быть, это пригодится нам, чтобы установить ее личность. Завтра сделаем фотографию.

– Нет, это не совсем татуировка. Это знак, сделанный недавно, еще не зарубцевавшийся, он еще кровоточит. Думаю, делал непрофессионал, вероятно – китайскими чернилами и иглой, как в тюрьме.

Лицо Аннабель тут же потемнело.

– Знак?

– Его нанесли в течение нескольких последних часов, вот что я имел в виду. Это не рисунок, а цифры – очень странно, согласитесь; сейчас я вам покажу, так будет понятнее.

Он взял со стола листовку страховой компании и на ее обороте записал короткую последовательность цифр. Затем протянул бумагу Аннабель. Там значилось:

67 – (3)

Казалось, слабый шум больницы вдруг стал заметнее, резко усилились шепот, шарканье ног по линолеуму и гул работающих электронных аппаратов.

Аннабель прочитала написанное дважды, не веря своим глазам.

– Когда я смогу с ней поговорить?

– Это зависит не от меня. Возможно, завтра.

Аннабель кивнула.

– Поставьте мне стул у нее в изголовье, я посижу с ней до утра.

Ее тон не допускал возражений. Врач пожал плечами и исчез в хитросплетении больничных коридоров.

* * *

Жалюзи состояли из тонких пластиковых планок. Они множество раз перепутывались, в итоге превратившись в бесформенный скелет. Зимнее солнце светило свкозь них, лаская одеяло своими золотистыми лучиками.

Первый раз женщина с перевязанной головой открыла глаза около шести утра и снова провалилась в сон. Еще раз она проснулась в восемь, а затем в девять и окончательно пробудилась в десять. Аннабель переставала дремать при каждом движении женщины, и когда их взгляды встретились, она взяла ее за руку. Пациентка не произносила ни слова, она только плакала. Аннабель увидела, как в палату заходят врач, два санитары и психолог. Последний мягко, но настойчиво попросил ее выйти.

Аннабель отправилась в комнату ожиданий, уселась в кресло, прислонившись спиной к кофемашине и так просидела пару следующих часов; в полдень купила и сгрызла сэндвич. Все это время она пыталась соединить вместе крупинки той информации, которой располагала. Проявления

сексуальной агрессии в Проспект-парке были редки и никогда не выглядели так варварски. Аннабель вздрогнула и покрылась мурашками. Ей необходимо как можно быстрее поговорить с этой женщиной, задать ей вопросы о насильнике или насильниках.

И ее загадочной татуировке.

Возможно, не зная, как именно выглядит тату, она чувствовала бы себя менее напряженной, но что-то в этих цифрах ее дразнило. Ужасно, думала Аннабель. Когда кто-то собирается изнасиловать жертву, с ней так не поступают. *И тем более с жертвы не срезают всю шевелюру!*

Большая часть изнасилований, которыми занимался 78-й участок, представляли собой проявления бытовой агрессии или же были совершены кем-то неизвестным. В первом случае пьяный или оскорбленный супруг доказывал свою власть над женой, во втором – женщина подвергалась агрессии со стороны мужчины, которого она никогда не видела прежде, иногда это была группа подростков, сразу же убегавших с места преступления. Люди часто думают, что насильники ищут сексуальное удовлетворение в своем поступке, тогда как на самом деле речь идет о вторичной мотивации. Большинство из них привлекает понимание того, что именно они творят, им нравятся ужас и мольбы их жертвы, власть над ней. Этой властью они и наслаждаются. В редких случаях дело заканчивается смертью.

Все дела, которые были известны Аннабель, выглядели

одинаково и просто: ярко выраженная агрессия и бегство виновного.

Но никогда еще насильник не держал свою жертву взаперти так долго, чтобы пытать ее *и нанести на ее кожу знаки, которые останутся на ней до конца ее жизни!*

– Ублюдок, – прошептала Аннабель. – Гребаный ублюдок.

К часу дня ей на мобильный позвонил капитан Вудбайн, дабы расставить все по местам. Он без особого энтузиазма отнесся к мысли, что это дело будет вести Аннабель.

В этот момент третий по счету доктор вошел в комнату ожиданий, где она сидела. Ему было около пятидесяти, и смотрелся он посвежее двух прежних.

– Я – доктор Дартон, а вы – детектив О’Доннел, не так ли?

– Как она? – спросила Аннабель с ходу.

– Все еще пребывает в состоянии шока, хотя никакая опасность, понятно, ей больше не угрожает. До сих пор находится под действием наркотиков, и мы обработали рану на голове. Речь пока не восстановилась.

Аннабель поднялась со стула.

– То есть она больше вообще не сможет говорить, вы об этом?

– Да, по крайней мере какое-то время. Это последствие шока, перенесенного ею. Рядом с ней находится психолог, он работает с последствиями ПТСЗ⁴ вот уже несколько лет, хороший тип, поэтому у нас есть шанс. Однако не стройте

---

⁴ Посттравматический синдром замкнутости.

иллюзий: на восстановление может уйти очень много времени. Полагаю, вы бы хотели допросить ее, узнать, что с ней случилось?

– Точно. И как можно быстрее.

Врач скорчил гримасу.

– Увы, это не...

– Позвольте мне задать ей вопросы, быть может, она станет отвечать хотя бы кивком головы. Эту женщину нашли голой, изнасилованной и накачанной наркотиками. Не удовлетворившись тем, что видел ее «во всей красе», насильник искромсал ей череп, срезал волосы вместе с кожей. Плюс к этому еще и татуировка в каббалистической манере и прочие ухищрения, суть которых такова: человек, изнасиловавший ее, хотел, чтобы эту женщину сочли сумасшедшей... Итак, я могу ее увидеть?

Доктор Дартон моргнул.

– Не хочу выглядеть пессимистом, – продолжала Аннабель, – но все это напоминает историю с маньяком. Вы меня понимаете? Вполне возможно, что какая-то тварь болтается по улицам Бруклина в тот самый момент, когда мы с вами говорим. Возможно, я несколько преувеличиваю, но я действительно не могу ждать.

Она замолчала, глядя в глаза своему визави, затем добавила:

– Это важно.

Смущенный, врач крутил в руках связку ключей.

– Понимаю. Но еще слишком рано беседовать с ней. Нужно немного подождать, как только психолог даст «зеленый свет», я вас позову, хорошо?

Аннабель уже открыла рот, собираясь ответить, и тут звонил ее мобильник. Сделав знак доктору Дартону, что согласна – надо, так надо, – она нажала на кнопку.

– Это Джек, ты где?

– Все еще в больнице. Физически девушка восстановилась, однако она молчит. До смерти испугана. Мне звонил Вудбайн, его напрягает, что я буду вести это дело, он думает, это может навредить мне самой, ну, ты знаешь, о чем речь. Он ждет наш первый доклад и хочет подключить к расследованию Фремонт и Ленхарта. Представляешь? Глория всех заставит навалить в штаны, у нее столько же такта, сколько у немецкого танка.

– Оставь в покое Глорию, я виделся с Вудбайном в офисе, он дал нам «добро». Тебе и мне.

Чтобы убедить капитана так поступить, Джек, должно быть, использовал все козыри. «Джек, ты лучший», – подумала Аннабель. Она многим была ему обязана, особенно после исчезновения Брэди, он всегда оказывался рядом, неизменно к ней внимателен – днем или ночью, неважно.

– Хорошенько слушай меня, – произнес он. – Я связался с подразделением, которое занимается пропавшими на Манхэттене людьми, рассказал им о женщине, найденной нами, и теперь жду, что они пришлют мне невероятное количество

факсов с описанием похожих женщин. Скоро у меня будет первая подборка жительниц Бруклина. Но я тебе звоню не по этому поводу.

Аннабель сделала несколько шагов, чтобы найти место с лучшим покрытием сети. В окно она заметила машину «Скорой помощи», стоящую в маленьком дворике, из нее выгружали мешок с трупом.

– Я только что связывался с лабораторией, – продолжал Джек. – Там Гарри ДеКальб, он искал подтверждение тому, что я ему рассказал утром. Кстати, Анна, девушка, которую мы нашли, она ведь немного испанского типа, не так ли?

– Да, – кивнула Аннабель, – она смуглая, черные ресницы. Да, можно сказать и так, но при чем тут это?

Ответ ей пришлось ждать, некоторое время в трубке было слышно только дыхание Джека Тэйера, выдававшее его волнение.

– Джек?

– ДеКальб хотел быть уверен, что я ничего не напутал в протоколе.

– Почему? Что там ему не понравилось?

– Волосы, Анна. Скальп, который она держала в руках. ДеКальб говорит, что они коричневые, поскольку их красили, но на самом деле они рыжие, светло-рыжие.

Вновь воцарилось молчание, потом Тэйер добавил:

– Это волосы другой женщины.

С начала зимы в Нью-Йорке была только одна снежная неделя, а затем город стал тонуть в грязном непрозрачном месиве. Когда Аннабель подъехала к Проспект-парку, первые хлопья стали падать на ветровое стекло, покрывая тротуары снежным фондю. Днем вилла Личфилд сохраняла свою отчужденность, но выглядела более гостеприимной. Аннабель припарковалась рядом с особняком. Ей потребовалось пять минут, чтобы отыскать Стенли Бриггса, едва приступившего к импровизированной сиесте и воспоминаниям о долгой, наполненной эмоциями ночи.

– Бриггс, вы можете уделить мне пару минут? – спросила Аннабель, дружески улыбнувшись охраннику – это было лучшее оружие из тех, которыми она располагала. – Я хочу, чтобы вы очень точно показали мне место, где вы обнаружили эту женщину.

– Это не так просто – если даже я и покажу вам тропинку, вы можете сбиться и пойти по другой. Давайте я вас провожу. Вы ищете что-то особенное?

Не желая вдаваться в детали, Аннабель кивнула:

– Просто хочу посмотреть.

Бриггс пожал плечами и натянул свою форменную куртку с эмблемой парковой охраны.

– Поедем на моей машине, так будет лучше.

Маленький зеленый пикап въехал в западную часть парка и направился вглубь по дороге, залитой битумом. Аннабель спросила Бриггса, почему вокруг больше нет ни одного автомобиля.

– Эта дорога на несколько месяцев закрыта для посетителей. Парк сейчас на перепланировке, некоторые его уголки восстанавливаются, поэтому автомобилистам приходится объезжать вокруг; я покажу вам деревья, помеченные номерами.

– Да, я слышала про этот проект, не знала только, что он уже запущен. По-моему, речь шла о реконструкции Лодочного домика, если не ошибаюсь.

Как и большинство ее коллег, Аннабель часто сталкивалась со случаями агрессии и приема наркотиков в заброшенных домах вокруг пруда Луллвотер, находящегося на отшибе. Она вспомнила свое первое дело в качестве детектива – тогда там нашли тело черного парня. Аннабель все еще не забыла его багрово-синее лицо, освещаемое «мигалками» полицейских машин; вокруг плескались любопытные утки, а ветер хлопал дверью Лодочного домика. «Мрачное место», – вздрогнув, подумала она тогда.

Машина проехала по мосту, возвышавшемуся над озерной гладью метров на двенадцать.

– Подъезжаем к холму Бриз, там мы ее и нашли, – произнес Бриггс торжественным тоном, словно вовлекая Аннабель в какую-то игру.

Проехав между двумя высокими ореховыми деревьями, он указал на тропинку, начинавшуюся несколькими деревянными ступеньками.

Город вокруг них исчез; о его присутствии напоминал лишь далекий гул шоссе Ист-Лэйк-Драйв. Свинцовое небо по-прежнему роняло снежные хлопья, сразу же таявшие на земле и оставлявшие пятнышки на поверхности воды.

Они двинулись вниз по склону, огибая могучие стволы, слышалось потрескивание коры. На середине спуска Бриггс остановился. Аннабель осмотрелась: деревья нависли над озером, по мрачной поверхности которого пробегала серая, без каких-либо иных оттенков, рябь. Пейзаж был стопроцентно зимним, как будто жизнь остановилась в насмешку над любыми проявлениями оптимизма.

– Вот, – сказал Бриггс, – она была там. – И показал на заросли камыша у берега. – Она лежала рядом с этими зарослями, видимо, спустилась вниз вон там. Эту старую тропинку зимой закрывают, чтобы сохранить водные растения.

– Вы осматривали территорию вокруг?

Бриггс взглянул на детектива так, будто она заговорила с ним по-русски.

– Ну, вообще-то нет... Мы же не искали доказательства преступления, то есть я хочу сказать, она же была жива, и ее необходимо было сразу отнести в тепло.

Не отрывая взгляд от камыша, Аннабель покачала головой.

– На самом деле это очень важно.

Она уже почти перешагнула крошечное ограждение и стала спускаться вниз, продираясь сквозь кусты, когда рука Бриггса остановила ее.

– Нет-нет! Так вы доконаете себя. Есть другая дорога, идите за мной.

Детектив молча отправилась за ним, хотя ей показалось, что проще пойти напрямик. По пути она вытащила из кармана китайскую булавку и заколола косички на затылке. Спустившись на берег, Аннабель, несмотря на свою куртку «бомбер», почувствовала холод.

– Она была тут, когда я ее заметил.

Охранник вытянул руку и указал на пятачок между двумя огромными корявыми стволами. Аннабель наклонилась и принялась ходить кругами, осматривая влажную землю, разглядывая следы и пытаясь угадать их происхождение. Ее внимание привлекли свежие параллельные борозды. Затем Аннабель стала осматривать стволы деревьев. Это заняло у нее пятнадцать минут, во время которых Бриггс внимательно наблюдал за ней, впрочем, мысль помочь детективу не пришла ему в голову – каждому своя работа. Пробормотав что-то, Аннабель двинулась прочь от места, где упала женщина, к зарослям камыша. Земля здесь была пористая, частично покрытая травой.

«Это какое-то чудо, что она выбежала сюда, – вдруг подумала Аннабель. – Лежала тут голая, да еще и зимней ночью!

Она может сказать Бриггсу «спасибо», что он так быстро ее нашел».

Согнувшись почти пополам, она принялась рассматривать все подряд, сначала – общий план, затем каждую деталь.

Стенли Бриггс держался на расстоянии, уселся на скале и терпеливо ждал. Минуты текли, детектив продолжала заниматься своим делом, и охраннику казалось, что она вот-вот вынет из кармана огромную лупу... Он повернулся к озеру, этому зеркалу, в котором отражалось небо, и подумал, что, может быть, вода действительно отражает настоящий серый рай. Вдруг это правда? Допустим, по прошествии множества лет девственная белизна райских мест посерела, первоизданной чистоты больше нет... Ничто не вечно, даже невинность, – учит нас Библия... Бриггс грустно покачал головой.

Далекая от переполнявших охранника сомнений Аннабель уже полчаса продолжала изучать отпечатки на земле. Подобрав сломанный камышовый стебель, она искала следы того, о чем сама не имела никакого представления. *Это необходимо, поскольку у тебя сейчас ничего нет.* Ради этого она сюда и приехала.

Аннабель опять вспомнила про скальп другой женщины. Сама по себе это уже была улика. Первый – с темными волосами – принадлежал женщине смуглой, второй – рыжей. Кроме того, была еще сперма насильника, но если она не занесена в банк данных, то ничем не может помочь следствию, а рыжие волосы, по мнению Аннабель, не были серьезной

зацепкой. Хорошенько поразмыслить – это совершенно ничего не значило, если бы не было столь мерзким. Как только этот ублодок мог появиться там, чтобы срезать волосы с черепа?

Аннабель замерла в неподвижности. Что-то шевелилось в камышах у ее ног. Она нагнулась и увидела отвратительное лягушачье тельце.

Бедная моя девочка, теперь ты наблюдаешь за лягушкой!

Она почти повернулась, собираясь уходить, и тут ее взгляд четко идентифицировал то, что вначале она приняла за пучок желтой травы, похожей на листья камыша. Лягушка выглядывала оттуда.

Концом тростинки Аннабель пошевелила пучок и подцепила его. На концах травинок висели красные ошметки.

Желудок свело спазмом, и она сжала губы, не понимая, что ее больше переполняет – отвращение или гнев.

На конце камыша висел скальп из светлых волос, испачканный засохшей кровью.

* * *

– Никаких сомнений. Это третья женщина.

Аннабель стояла позади стола, скрестив руки на груди; она смотрела на чернокожего гиганта, прислонившегося к гипсовой колонне посреди комнаты. Джек Тэйер тоже был

тут – по привычке сидел на столе.

– Вы отдаете себе отчет в том, что это означает? – повторял капитан Вудбайн. – Мне не нужна такая история здесь, у меня на участке! Серийные убийцы и им подобные – это для ковбоев из ФБР, а здесь есть капитан дивизиона, мечтающий подвинуть меня, плюс шеф полиции и, наконец, мэр собственной персоной! – Внезапно, словно что-то вспомнив, он повернулся к Тэйеру. – Но у нас ведь нет абсолютно никакой уверенности, к тому же девушки которым принадлежат скальпы, все еще живы, разве нет?

– Я ничего об этом не знаю, Майкл.

Тэйер поднял руки ладонями вверх.

– Откуда я могу это знать? Но мой мизинец подсказывает мне, что если мы не увидим в ближайшее время девушек, гуляющих по Бруклину без скальпа, это значит, их где-то заперли. Не согласны?

– Подождем результаты экспертизы, – вставила Аннабель. – Они должны кое-что нам прояснить с этими... скальпами. Какое ужасное слово.

Она представила голую девушку, несущуюся по улице, с двумя скальпами в руке – трофеями, которые она успела схватить, предприняв безумную попытку бегства, будто в доказательство пережитого кошмара.

Вудбайн вытащил из кармана рубашки сигареты «Честерфилд».

– Сожалею, что хочу помешать вашему порыву к самораз-

рушению, капитан, но это офис для некурящих, – заметил Тэйер, указав на небольшую табличку, располагавшуюся на уровне его плеча.

Он говорил это в тысячный раз с момента своего знакомства с капитаном. Вудбайн не отреагировал. Он в задумчивости зажег сигарету.

– Дерьмо. Только представьте себе прессу – хотя бы на пару секунд! – воскликнул он, выдыхая дым.

Тэйер кивнул.

– О, да. «Индийский убийца свирепствует в Нью-Йорке», «Он убивает женщин голландского происхождения, 24 доллара за душу». А, нет! Я забыл про нашу неизвестную из Проспект-парка – она же испанка. Заголовки будут еще пестрее, это точно.

Аннабель привыкла не обращать внимания на шутки коллеги, благодаря «особенности мышления» он зачастую избегал лишнего драматизма.

– Еще и татуировка! Есть идеи, что она означает? – спросил Вудбайн.

– Ничего серьезного. Это может быть все что угодно, сделано в приступе безумия, без какого-либо смысла, – ответила Аннабель.

– А почему не послание, своего рода шарада, вызов, брошенный нам? Помните, как поступал Зодиак?⁵

---

⁵ Серийный убийца, терроризировавший США в конце 1960-х – начале 1970-х гг.

Искренний тон капитана Вудбайна рассмешил Аннабель. «Он хочет быть уверен, – подумала она. – Хочет поверить, что у нас есть все ответы и мы владеем ситуацией». Вудбайн был не из тех, кому нужно было нечто подобное, чтобы выдвинуться вперед; его амбиции ограничивались управлением командой, двигаться вверх по служебной лестнице и брать на себя новую ответственность не входило в его планы. Однако введенный несколько лет назад принцип «быстрого результата» понуждал его заниматься расследованием, чтобы улучшить собственные показатели и опередить соседей.

– Нет, – ответил Тэйер. – Это не римская тайна. Девушка не хотела, чтобы ее обнаружили, она спасалась бегством.

– Ладно, поймал типа, который это сделал, и поймем, что означает татуировка, – подвел итог Вудбайн так, будто играл в детскую игру.

Протестуя, Тэйер поднял указательный палец, но Аннабель опередила его:

– Джек, если бы ты рассказал нам о том, что тебе поведали свидетели с Парксайд-авеню.

– Ничего полезного. Утверждают, что она неслась как сумасшедшая, пересекла наискосок Оушен-авеню и вбежала в парк. Никто не может сказать, почему она бежала. У меня есть тип, который держит кондитерскую в десятке метров от перекрестка, он ее тоже видел, бегущую по тротуару. С волосами на голове. Если по порядку, это он первый заметил ее. Больше мы ничего не знаем. Флатбуш в это время не сказать

что набит людьми, но и не совершенно пуст, то есть можно сделать вывод, что она выбежала из периметра, образованного пересечением Парксайда и Оушен-авеню.

Капитан Вудбайн потер руки, держа сигарету в зубах, и добавил:

– Хорошо, я дам вам в качестве группы поддержки Коллинза, Этвелла, Фремонт и Ленхарта, вы поделите участок на сектора и опросите всех, кто способен говорить. Из какого дома она выскочила или из какого автомобиля, какого он цвета, я хочу знать все.

Тэйер вздохнул.

– Приятное занятие.

С высоты своих двух метров Вудбайн смерил Тэйера и Аннабель взглядом. Казалось, что он колеблется, но Вудбайн неожиданно распорядился:

– Прежде всего вы отдохнете. Остальные могут начать без вас.

Было шесть часов вечера, у напарников были усталые глаза, но ни один из двоих не думал об отдыхе. Их повседневность состояла из расследований небольших дел – краж с уличных прилавков, грабежей, проявлений агрессии, а также четырех-пяти убийств в год, которые заставляли забыть о мелких мошенниках. От дела, подобного этому, их не смогла бы отстранить ни одна шишка из Департамента полиции Нью-Йорка. Любой детектив мечтал бы о таком деле.

– Нет ничего более неточного, чем память свидетеля, ка-

питан. Время стирает подробности, поэтому надо заняться опросом сейчас же, – сказала Аннабель, показывая на часы. – Время еще позволяет.

Она и Тэйер поднялись, Вудбайн для приличия еще поворчал. Лейтенант Рой Сальво без стука вошел в комнату, держа в руке листок, который он положил на стол Аннабель.

– Факс из методистского госпиталя. Думаю, это от табиба, положившего на тебя глаз, – улыбаясь, прокомментировал он.

Аннабель схватила бумагу – результаты анализов. Доктор Дартон определил, что именно проглотила неизвестная. Это лекарство назначают как средство против беспокойства и бессонницы, довольно сильный препарат, если использовать его в больших дозах. 1 миллиграмм препарата уже дает эффект. Неизвестная проглотила около 4 миллиграммов, это могло усыпить ее на восемь часов и даже привести к коме.

– Хорошее начало! – воскликнул Вудбайн. – О’Доннел, оставьте мне это. Найдите список врачей, которые выписывали это лекарство своим пациентам, и имена пациентов, все данные – в районе Проспект-парка, начните с квартала Флат-буш. И пусть только они попробуют втирать вам хоть что-то про врачебную тайну! Объясните им ситуацию, используйте любую тактику в зависимости от обстоятельств. Если нужна помощь, ее всегда можно найти на 70 и 71 участках, это их территория.

– Капитан, вы слишком прекрасны, – ответила Аннабель.

– Да уж. Вы поступите правильно, если поторопитесь, я не хочу, чтобы ночью там нашли еще один скальп, поэтому отправляйтесь скорее, остальные четверо немедленно присоединятся к вам. Тэйер, ты возглавляешь группу.

Он смял сигарету в заполненной наполовину пепельнице и вышел, нагнув голову, чтобы не удариться о притолоку.

Аннабель и Джек Тэйер спустились по узкой лестнице на первый этаж 78 участка.

– Не уверен, что это верный путь, – произнес Джек. – Тот тип может длительное время получать его по рецептам, выписанным любым врачом этого тупого города, может быть, даже врачом в больнице или вообще в Нью-Джерси. Чтобы обойти всех, потребуются недели, если вообще это даст какой-то результат. Это тупик. Поспи минуту и присоединяйся ко мне.

У Аннабель была привычка доверять идеям Джека, он постоянно стремился показать капитану, что не теряет времени даром, но уж если в голову ему приходила какая-то мысль, он принимался упорно рыть землю. В расследовании для него были важны скорость и результат – остальное во внимание не принималось.

– У меня есть идея получше, Джек, – ответила женщина. – Раз обходить врачей по-твоему – значит терять время, я попробую сделать кое-что другое.

Аннабель игриво посмотрела на коллегу и застегнула куртку, погружившись в двойной защитный слой – подклад-

ки и толстой кожи.

Снаружи все падали и падали хлопья снега, и ветер рас-
поряжался ими по собственному усмотрению.

Полупрозрачная грязь лежала по обеим сторонам Флатбуш-авеню, превращая тротуары в каток и переливаясь липкими сполохами в мерцающих неоновых лучах рекламы маленьких лавочек.

Решительным шагом Аннабель пробиралась сквозь вечернюю толпу. Вокруг было много недорогих магазинов: длинный ряд прилавков с часами, старьевщики, торговцы *сладостями* и закусочные, окна которых коричневыми пятнами изнутри покрывал жир. В квартале, где большая часть населения была чернокожей, Джеку потребовалась бы ее помощь: афроамериканские черты ее лица были очевидны, и ей проще было бы найти общий язык с местными жителями, чем белому полицейскому. Несмотря на это, верная своей репутации одиночки, она меряла шагами зону за пределами своего участка, подгоняемая интуицией.

Ее подталкивало вперед простое правило: насильник – человек со скальпами – жил в этом квартале. Его жертва бежала по улице голой, но ее заметили только возле перголы Проспект-парка, следовательно, можно было предположить, что она сбежала из дома, расположенного где-то рядом, иначе ее заметили бы раньше. Если же ее палач жил неподалеку, у Аннабель были все шансы обнаружить место, куда он ходил запасаться лекарствами. Вооружившись этой мыслью,

детектив пролистала «желтые страницы» в поисках всех аптек, располагавшихся в квартале, и уже нанесла визит в две аптеки сети «Дуэйн Рид», правда, безрезультатно. В первой лекарство не продавалось уже полгода, и ее клиенты находились в слишком почтенном возрасте, чтобы попасть под подозрение. Вторая не работала почти год: поблизости находилась больница Кингс Каунти, и всех пациентов переместили туда. Оставалось проверить еще три адреса с этой стороны парка, но час был поздний, и Аннабель боялась, что не успеет закончить до закрытия магазинов.

Она вошла в CVS⁶, которая была следующей в ее списке. Несколько посетителей блуждали вдоль прилавков с витаминами. Два плохо экипированных туриста просочились в дверную щель перед детективом, они искали мазь от трещин на губах.

Аннабель направилась в глубину аптеки, к рецептурному отделу. На красном фоне электронного табло горел белый слоган: «Мы помогаем людям жить дольше, в добром здравии и счастье». Прямо под экраном, на стальном подносе были свалены в кучу сладости, подчеркивая невероятный американский парадокс. Аннабель не могла сдержать улыбку, она так и не привыкла к нему, спрашивая себя каждый раз, что это: провокация или человеческая глупость.

– Сожалею, миссис, мы уже закрылись. Мы работаем с девяти утра до шести вечера, приходите завтра, – произнес на-

---

⁶ Сеть аптек в США.

распев чей-то голос, обращаясь к Аннабель.

Она повернулась и показала удостоверение продавцу в белом халате, сидевшему за компьютером.

– Это срочно, – произнесла она.

– В таком случае чем могу помочь?

– У вас продается... – Она произнесла название препарата. Удивленный ее вопросом, фармацевт кивнул.

– Ну... да, вообще-то.

Угадывая, что он не договаривает, Аннабель поспешила добавить:

– Это очень важно, речь может идти о жизни нескольких женщин. Пожалуйста, мне необходима эта информация.

– Понимаю. Ну, хм... Да. У нас есть два клиента, покупающие это средство. Первый – женщина с улицы, она больше не может спать после 11 сентября, ее брат был среди пожарных, оказавшихся под развалинами. Его спасли, слава богу. Второй клиент, как бы получше выразиться... немного особенный. Он покупает снотворное уже давно, он регулярно приходит с рецептами, чтобы пополнить свой запас. Нервный тип. Это лекарство продается здесь довольно плохо, назначают его редко, потому я этого человека и запомнил. Сейчас проверю, не было ли других покупателей, секунду.

Он принялся стучать по клавишам и нагнулся, чтобы прочитать высветившиеся на экране данные.

– Нет, это все, больше никто не приходил за препаратом.

– А этот немного нервный тип, какой он?

– Он скорее тощий. Цветной. Он мне был неприятен, никогда не скажет ни «здрасьте», ни «до свидания». – Фармацевт нажал еще несколько клавиш. – А, вот, его зовут Спенсер Линч. Л-и-н-ч.

– Как режиссера? – Увидев, как сморщилось лицо продавца, Аннабель махнула рукой, призывая забыть ее вопрос. – У вас есть его адрес?

Мужчина наклонил голову, написал несколько слов на листке бумаги и протянул его детективу.

– В любом случае, я бы предпочел не иметь с ним проблем, если, конечно, вы можете мне...

Приложив указательный палец к губам, Аннабель отступила на шаг и бросила короткий взгляд на бейдж, приколотый к халату фармацевта.

– Я буду нема. Спасибо, Винс, – выдохнула она перед тем, как снова окунуться в холод раннего вечера.

...С мобильником в одной руке и листком с адресом Спенсера Линча в другой, Аннабель огибала вереницу прохожих, поднимаясь вверх по улице так быстро, как ей позволяли ноги, но еще не бежала.

– Джек, – приложив телефон к уху, заговорила она, – у меня есть адрес этого типа, это возле перекрестка Парксайд и Оушен-авеню, на том же тротуаре, где твой кондитер тем вечером видел эту женщину. Это может быть тот, кто нам нужен, его зовут Спенсер Линч.

– Не торопись, во всем разберемся, зададим несколько во-

просов этому малому и сделаем выводы. В районе наверняка есть и другие любители препарата, борющиеся со стрессом, ты согласна?

– Думаешь, девушки еще у него? Если он поймет, что полиция его подозревает, он может их убить.

– Пока ты остаешься на месте и ждешь меня в баре, – скомандовал Джек. – Посмотрим... Так, на углу есть «Макдоналдс», отправляйся туда и немного расслабься. Мне еще нужно опросить пару человек, я приеду через два часа.

Аннабель хотела поторопить Джека, но тот стоял на своем; разговор завершился. Детектив почувствовала сильнейшее возбуждение, адреналин кипел внутри, пора было бросаться на амбразуру. Она быстро нашла нужный дом и устроилась напротив, перед таксофоном. Вытащив блокнот, записала в нем номер и приготовилась делать заметки дальше. «Ни в коем случае не терять входную дверь из виду, – сказала она себе, – даже если в какой-то момент покажется, что наблюдение невозможно в принципе». Повернув голову, она внимательно осмотрела фасад здания, в котором жил Линч; оно выходило углом на Парксайт-Курт. Три этажа, выкрашенные охрой камни; широкий карниз выдавался из-под крыши, снизу вверх тянулась ржавая пожарная лестница, начинавшаяся прямо над заброшенным ямайским рестораном. Все окна затянуты пленкой или забиты досками; забор вокруг дома указывал на то, что здесь ведутся ремонтные работы. Похоже, в здании никого не было уже несколько

недель.

– Что за дерьмо, лучше и не придумаешь, – прошептала Аннабель.

Табличка «Прохода нет», прислоненная к забору, вызвала у женщины горькую улыбку.

Какое-то время Аннабель не двигалась, глядя на проезжающие мимо автомобили и размышляя. Джек будет только через два часа; если бы не это, он мог бы помочь ей еще раз опросить всех окрестных торговцев, по крайней мере тех, чьи лавочки пока были открыты – надвигался вечер, и таких становилось все меньше. Выругавшись и прищелкнув языком, Аннабель направилась в закусочную, расположенную неподалеку. Купила чиз-кейк, уселась за столик и принялась убивать время.

Прижав руки к груди и наслаждаясь уютным теплом помещения, она разглядывала прохожих, ожидая, когда появится коллега, который не должен был опоздать.

Взгляд Аннабель выхватил из толпы мужчину, несшего сумку из плотной бумаги; застыв перед пустым домом, он нервно озирался, поворачивая голову в разные стороны. Тип был черным (фармацевт говорил про цветного, но так, наверное, теперь толерантнее), довольно высоким и, насколько могла детектив судить со своего места, казался скорее худым.

Место для наблюдения было подходящим. Движения мужчины были неестественны, он как будто к чему-то гото-

вился. *Неужели это его рук дело?* Мужчина прижал пакет к себе и проскользнул между досками в пространство, почти не освещенное уличными фонарями.

Аннабель охватила тревога.

Все совпадало. Внешность, раса, непонятное поведение и особенно то, что он вошел в заброшенное здание, чей адрес совпадал с адресом, который написал фармацевт! Что еще требовалось? Аннабель не верила в случайные совпадения.

Это же мой шанс!

Переполняемая странными мыслями о муже, растворившемся в одном из уголков четырех сторон света, Аннабель в конце концов убедила себя, что у каждого человека по воле благосклонной судьбы однажды появляется шанс, который надо использовать. Ее собственный состоял в том, чтобы действовать прямо сейчас.

«Шанс всей моей жизни, – сказала она себе. – Удар надо наносить теперь».

Детектив посмотрела на часы. Джек должен находиться где-то рядом. Она проверила мобильник. Сообщение. Джек не уверен, что закончил беседовать с возможными свидетелями; значит, он еще не в метро. Аннабель начала колебаться. «Но если этот тип выйдет через черный ход, то я его потеряю». Закусив губу, она принялась постукивать подошвами ног по полу.

Потом на краткий миг закрыла глаза.

«Что за дерьмо, я попросту рехнулась», – подумала Ан-

набель.

И бросилась в атаку.

Оставив на столике десятидолларовую банкноту, она вышла из кафе, пересекла улицу и в свою очередь исчезла за забором. Защищенная от взглядов прохожих, она выключила телефон и вытащила «беретту». Вход в здание преграждала тяжелая цепь, рядом с ней в пыли валялся висячий замок. «Отличное начало, – подумала Аннабель, – стоит мне задеть цепь, и он услышит меня». Однако у нее не было времени действовать бесшумно. Быстро поискав глазами другой вход, она обнаружила на втором этаже окно с пластиковой ставней; раньше она защищала от ветра, теперь же просто болталась сбоку рамы.

«Ну, покажи нам, что ты сегодня ела!»

Убрав оружие, Аннабель принялась карабкаться вверх по витрине, стараясь держаться за выступы на стене. Сделав несколько неуверенных движений, она ухватила за подоконник, повиснув над забором и улицей. *Может, кто-нибудь хотя бы вызовет полицию?* Эта мысль успокоила детектива. Однако сознание того, что подозреваемый мог в любое мгновение ускользнуть, преследовала Аннабель.

Подтянувшись на руках, она влезла в окно и опять вытащила пистолет. Вес оружия успокаивал. Аннабель знала, что вполне может отразить нападение, на курсе полицейской самозащиты она была лучшей, к тому же занималась в клубе тайским боксом. Не обладая такой мышечной массой,

как мужчина, детектив могла рассчитывать на свою технику, позволявшую ей брать верх в драках. С другой стороны, осматривать здание было для Аннабель делом новым. Вопреки тому, что показывают в кино, работа детектива обычно достаточно спокойна и не предполагает чего-то подобного.

Перейдя пустую комнату, она вышла в тесный коридор, заканчивавшийся лестницей. Свет уличных ламп просачивался внутрь здания, подобием слабого мерцания озаряя часть интерьера. Сверху раздался неопределенный, похожий на шепот, звук, пол заскрипел – кто-то ходил над головой у Аннабель.

Становилось все темнее, некоторые уголки дома полностью погрузились во мрак. Аннабель похлопала себя по карману куртки и выругалась. Она проклинала себя за то, что не захватила потайной фонарь. *Отлично пригодился, лежа в бардачке машины!*

Детективу страшно захотелось, чтобы фонарь сейчас оказался у нее в руках. Абсолютно не подготовилась, ничего не взяла, чисто безумие соваться сюда – нельзя в одиночку преследовать мужчину, который может оказаться опасным.

Тем не менее она продолжала двигаться вперед по коридору, затем медленно начала подниматься, ставя ноги на край ступенек, чтобы те не скрипели, очень мягко, вот так...

Чтобы сориентироваться в темноте, Аннабель прижала ладонь к ближайшей стене.

Ее пальцы нащупали что-то холодное и жидкое. «Вода течет с потолка по желобку, просачиваясь сквозь дырявую крышу», – подумала детектив.

Услышав недалеко от себя приглушенное гудение, она стала двигаться вдоль стены. Все двери были сняты, проемы зияли черными прямоугольниками. За каждым из них мог прятаться вооруженный мужчина. Детектив осторожно шла вперед боком, прижимаясь спиной к грязному гипсу. Минуту каждый проем, она обливалась холодным потом, представляя себе мужчину, стоящего с другой стороны, отделенного от нее расстоянием в пять сантиметров, представляла, как их лица вдруг окажутся друг напротив друга. У него в руке скальпель, его раздражает мерзкое желание надругаться над женщиной-полицейским, и она, шокированная внезапным взглядом его безумных глаз, парализованная ужасом, неспособная пустить в ход свою «беретту».

«Не думай об этом! – проклинала она себя. – Сконцентрируйся на моменте».

Неслышно ступая, она прошла мимо очередной дыры, уводившей в слепую темноту комнаты.

Внизу лестницы показались отблески света. Пламя стало медленно подниматься. Повторив маневр, Аннабель стала карабкаться вверх. Она внимательно наблюдала и за ступеньками, и за пространством прямо перед собой. Пот покрывал лоб. Детектив неподвижно застыла у входа на последний этаж. Все окна здесь закрывали жалюзи, поэтому снаружи ни

просачивался ни один луч света. На стенах чернели надписи: «ВОСХОЖДЕНИЕ», «РАЗУМ», «СИЛА» и множество других. Аннабель узнала цитаты из речей политиков, особенно из выступлений Мартина Лютера Кинга. На полу горели десятки свечей. Повсюду были пятна и огарки, а также стояли еще не зажженные свечи. Теперь гудение было совсем близко – прямо за стеной.

Сжимая «беретту» обеими руками, Аннабель двинулась к проходу. Она удивилась, что ноги у нее не дрожат, а ладони не вспотели. Одновременно ее постепенно обуздываемое возбуждение металось от страха к предельному возбуждению. «На моменте, – повторяла она. – Конкретном моменте».

В оранжевом полумраке, в пяти сантиметрах от ее ноги стояла крысоловка. Другая – чуть дальше, потом – третья. Здесь их было полдюжины, они защищали ужасного обитателя этого дома. Какая странная крыса с острыми ушками... Присев, Аннабель поняла, что это котенок. Его мохнатое тельце было нанизано на металлический стержень. Он умер уже давно.

Сконцентрируйся же на моменте! Никаких эмоций!

Под ногой Аннабель скрипнула половица.

Стараясь шуметь как можно громче, она одним прыжком пересекла оставшееся пространство коридора и ворвалась в комнату, водя пистолетом в разные стороны, желая удостовериться, что она здесь одна. И тут же прислонилась к стене, чтобы не упасть от удивления. Сердце забилося вчетверо

быстрее, и в течение десяти секунд Аннабель старалась дышать ровно, чтобы успокоиться.

Гудение издавали пять вентиляторов. Они стояли на полу, к их решеткам были приклеены липкие ленты мухоловок, и казалось, что десятки ладоней аплодируют в обволакивающем воздухе комнаты. «Ток не отключили, – подумала Аннабель, – видимо, чтобы вести работы; по крайней мере, хозяин-то не горазд делать ремонт своими руками». Козлы с досками, положенными сверху, образовывали подобие стола, на котором лежали инструменты типа щипцов и стоял пластиковый бюст; на полу лежали пряди волос, к концам которых прилипли кусочки сухой кожи. Присмотревшись повнимательнее, Аннабель поняла, что волосы висят на краю деревянной посуды – сушатся между вентиляторами и свечами.

Дыхание женщины ускорилось, она больше не могла себя контролировать. Стекающаяся с потолка струйка воды каплями падала на пол. Бесконечный плюхающий звук.

Аннабель вытянула пистолет перед собой, взвела его и скользнула в темноту. Невозможно было сказать, видел ли ее мужчина. Когда детектив проскользнула под стружкой воды, ее лицо стало мокрым, холодные капельки брызнули на шею и на спину. Она медленно двинулась дальше.

Вошла в комнату небрежными движениями, втянув голову в плечи. Глаза Аннабель превратились в две щелочки. Хромированный пистолет блестел в свете пламени, озаряв-

шем логово. Аннабель увидела всю сцену со стороны, как серию кинематографических стоп-кадров. Фрагменты самых коротких движений, собственный голос, показавшийся ей чьим-то неузнаваемым воплем, когда она крикнула:

– ПОЛИЦИЯ! НЕ ДВИГАТЬСЯ!

Изящные шейные мускулы, поворот головы, и улыбка, растянувшая рот, – ее противник увидел, что будет иметь дело с женщиной. Жесты Аннабель были точны, хотя и неспешны. Смертоносный хром ствола поднялся вверх, дуло приготовилось изрыгнуть убийственную желчь. Только звук падающей с потолка воды остался нервирующе прежним.

Тогда Аннабель выстрелила.

Только один раз.

Плечо Спенсера Линча взорвалось сотней черных точек, сразу же усеявших стены вокруг.

Действие перестало быть замедленным, скорость происходящего вдруг начала резко расти. Парень бросился на пол, успев нажать на спусковой крючок, и в ту же секунду перекатился в направлении комнаты, из которой пришел. Аннабель не успела среагировать.

Вспышка пламени, и осколки гипсовой облицовки вонзились детективу в лицо. Потеряв равновесие, Аннабель стала падать, приступ бешенства заставил ее разрядить «беретту» в направлении стены, за которой только что исчез Спенсер Линч. Обойма опустела. Четырнадцать оставшихся пуль.

Тошнотворное облако пыли и порохового дыма поднима-

лось вверх между тем, как белые гипсовые крошки продолжали оседать на пол.

Аннабель вынула пустую обойму и перезарядила пистолет, снова направив ствол на невидимого противника. Так она простояла очень долго, не чувствуя боли в сведенных мышцах рук.

Когда первые капли крови упали на пол, «беретта» мягко вывалилась из ладоней женщины.

Джек Тэйер присел над Аннабель. Беспокойство, затем гнев, потом сострадание и, наконец, любопытство. Вокруг них несколько офицеров полиции обследовали жилище.

– Ты узнала, что это наш тип, когда увидела волосы на столе?

На щеке Аннабель красовалась повязка – гипсовые крошки поранили кожу; она посмотрела на длинные локоны.

– Нет. Как только я заметила его на улице, я поняла, что это он. Он хотел убедиться, что его никто не преследует, и потом, он подходил под описание, сделанное фармацевтом. Когда же он вошел в подозрительное здание, я перестала сомневаться. Вспомни, что всегда твердит Вудбайн: «В карьере каждого копа бывает шанс, который нельзя упустить». Я почувствовала, что это – мой.

Спенсера Линча только что забрала «Скорая», его состояние оценивалось как критическое, две пули попали ему в живот.

– В следующий раз, идиотка, дождись меня – это чудо, что ты осталась жива.

– Следующего раза не будет, Джек, такое дело, как это, дважды в одной карьере не случается.

– Охренеть, как бунтует мое его! Ну, а как твоя голова? Аннабель сделала знак – все нормально. Техник из лабо-

ратории наклонился к ней, держа в руках пластиковую коробку и подушечку.

– Сожалею, но факт стрельбы обязывает меня взять пробы пороха.

Вздохнув, детектив протянула технику обе ладони. Закончив, он поблагодарил Аннабель и вернулся к своему чемоданчику.

– Я только что беседовал с Вудбайном, – произнес Тэйлер, – его чуть удар не хватил, когда я ему рассказал о случившемся, он уже в пути. Не могу утверждать, что он доволен твоей инициативой. Если ему придется все поведать СМИ, он скажет, что арест был проведен благодаря твоей храбрости, но при этом тебе устроят головомойку, будь к этому готова. Знаю, он сделает для службы Внутренней безопасности все, чтобы им досталась своя лепта, и они могут обвинить тебя в том, что не были соблюдены обычные требования. И даже могут настаивать на превышении полномочий, ведь Линч, скажут они, не обязательно собирался пускать в ход свое оружие первым и теперь не находился бы в больнице. Хорошо еще, что он не умер.

– У тебя есть в запасе что-то более обнадеживающее?

– Мне жаль. Ты никогда не общалась со службой Внутренней безопасности, поэтому советую тебе быть начеку. Держись побойчее, и, если Вудбайн поддержит тебя – а в этом я не сомневаюсь, – все пройдет нормально. Однако если Спенсер Линч умрет, это все усложнит. Но есть и позитивная сто-

рона – в комнате... Спенсера нашли пистолет и помповое ружье, и очень возможно, что, когда ты его застукала, он как раз пришел за ними. Отличный плюс в твою пользу.

Офицер в униформе приблизился к ним.

– Извините меня, детектив Тэйер, вы должны это увидеть.

– Увидеть что? Надеюсь, не какой-нибудь мерзкий сюрприз, так? – забеспокоился вдруг Джек.

С момента прибытия подкрепления здание безрезультатно прочесывалось в поисках следов скальпированных женщин.

Брайан Раглин, офицер, выглядел обеспокоенным и беспрестанно проводил языком по губам. Аннабель показалось, что его сейчас вырвет.

– Мы нашли девушек... Мне так кажется, – выдавил он наконец.

Мгновенно все поняв, Тэйер прикрыл глаза рукой.

– Дерьмо, – выругался он.

Бросив быстрый взгляд на напарника, он обратился к Раглину:

– Покажи нам.

Раглин повел их за стену, куда откатился Спенсер Линч; там, где он упал, была лужа крови, она тянулась до входа в комнату. Старая кровать, большой шкаф и телевизор составляли ее убогую обстановку. Офицер подошел к шкафу и открыл дверь – внутри на «плечиках» висело несколько предметов одежды.

– Там? – удивился Тэйер.

– Нет...

Мысль озарила Тэйера:

– Только не говорите мне, что этот гад устроил там потайной ход...

– Точно. Он перекрыл вход в соседнюю комнату этим шкафом, и задняя стенка у него – съемная, – объяснил Раглин.

Молодой полицейский нажал на заднюю стенку, и она вывалилась.

– Все просто, хватит и десяти секунд... Но там, предупреждаю, ужасные вещи...

В одно мгновение воздух комнаты пропитался запахом. Смесью ладана, дезодоратора и разлагающегося трупа; последний, несмотря на прочие оттенки, был узнаваем, особенно таким копом, как Тэйер. Он вытащил из кармана платок и зажал нос; Аннабель вскоре последовала его примеру. Нагнувшись, они шагнули в шкаф и вышли с другой его стороны. В этот момент Тэйеру показалось, что он проходит под адским портиком, и уже приготовился ощутить на теле укусы Цербера. Здесь его ожидало логово Безумия, отвратительное убежище Зла.

Тут было тесно, никаких окон, красный фонарь беспокойным подрагиванием освещал кошмарную комнату. В углу было сделано подобие рабочего стола, на нем лежало несколько листов бумаги. На полу были разбросаны пустые

баллоны из-под освежителей воздуха для туалетов. Напротив входа располагалась грязная ванна, наполненная мутноватой жидкостью, и прислоненные к ней три части человеческого тела.

Плотно прижимая платок к лицу, Тэйер подошел к страшной ванне. Аннабель увидела, как он закрыл глаза, оказавшись прямо над ней. Она шагнула следом за ним и сразу же задохнулась от тошноты.

Деформированное ударами и пребыванием в воде лицо плавало почти у поверхности, рот был растянут в последней безумной мольбе. Череп без волос, казавшийся черным сквозь слой грязной воды. Казалось, что-то держит его с другой стороны, что он пленник жидкости, умоляющий, чтобы его освободили; рядом, будто стараясь выбраться на поверхность, плавала отрезанная ладонь.

Аннабель увидела второе лицо и согнулась пополам.

Она извергала все, что было у нее внутри, на загаженный каменный пол, ее рвало снова и снова, посреди пропитанного кошмаром воздуха комнаты.

Когда наконец Аннабель удалось унять рвоту, над ней стоял Тэйер – рот открыт, взгляд устремлен на плечо детектива; глаза говорили: пора вставать, иначе в одиночку я могу не вынести этого. Молодая женщина повернулась, приготовившись к худшему.

В течение нескольких минут она не могла говорить.

К стене, в которой находилась потайная дверь, были при-

шпилены дюжины фотографий разного формата. На каждой запечатлена женщина, мужчина или ребенок. Все возрасты и расы были представлены в этой мозаике страданий. Все люди выглядели измученными.

Наполовину раздетые, на некоторых – следы насилия, и все смотрят в объектив фотоаппарата умоляющим взглядом. У кого-то ладони сжаты, другие держатся прямо, отрешенно, но у всех в глазах один и тот же блеск. Они молят, чтобы происходящее прекратилось. Так или иначе.

...Прошла вечность, прежде чем голос Аннабель с трудом вернулся обратно в горло, и она сама не узнала его:

– Джек...

Он наклонил голову и кончиком пальца провел по лицам на фотографиях.

– Сколько их? Восемьдесят? Сто? Господи, что же это?

Его голос дрожал, коп-философ утратил обычную рассудительность.

– И все это сделал Спенсер Линч? – недоверчиво спросила Аннабель.

– Не знаю. Смотри, фотографии сделаны с разных ракурсов, на них – разный фон, и...

Белый ослепительный свет устремился к ним.

– Думаю, здесь пригодится фонарь, – произнес Брайан Раглин, делая шаг в помещение, которое раньше было ванной комнатой.

Он протянул свой фонарь Аннабель и Джеку, а другой ру-

кой зажал нос.

– Что за вонь!

– Стоп! – закричала Аннабель. – Вернитесь. Посветите здесь.

Она указала на стену, возле которой стоял стол.

– Там что-то есть, я видела.

Раглин выполнил просьбу, направив веер белого света в нужное место.

Сначала они ничего не заметили, поскольку надпись была красной. Красная фотолампа, служившая основным источником света, скрадывала очертания букв.

Чернила уже засохли, но они были свежими и растеклись по стене, когда на ней появилась надпись – большие буквы, несколько слов:

Caliban Dominus noster, In nobis vita, Quia caro in tenebris lucet.

– Что это значит? Это по-испански? – спросил Раглин.

– Латынь, – с серьезным лицом ответил Тэйер.

– Вы понимаете, что там написано?

Детектив повернул голову к фотографиям, и его челюсти сжались.

Лица, лица... Их было слишком много. Повсюду эти лица, на которых запечатлен ужас.

Джек произнес:

– Здесь написано: «Калибан наш бог, В нас жизнь, Ибо тело светит во мраке».

И, обращаясь к Аннабель, добавил:

– Спенсер Линч не один. Их несколько.

Долгий вздох... Морщины на лице Трейера проступили отчетливее, когда он прошептал слова из Библии:

– Имя им легион⁷.

---

⁷ См. Евангелие от Марка, 5:9.

Часть вторая

Я понял, что сам испытывал это мерзкое желание, желание разрушить, давать волю разочарованию.

Дональд Уэстлейк, «Гильотина»

8

Кондиционеры работали на полную мощность, хотя самолет уже приземлился. Пассажиры послушно пробирались к выходу, выстроившись в переминающуюся с ноги на ногу цепочку. Некоторые еще сидели на своих креслах, и один из них в восьмой раз просматривал «Нью-Йорк Пост», которую держал на коленях. Восемь лиц, восемь разных фотографий, восемь испуганных человек, глаза которых журналист заботливо спрятал черными прямоугольниками, стараясь «сохранить» анонимность. Заголовок гласил: «Ужас в Бруклине». Пассажир перечитал несколько строк:

Тень Дэвида «Сэма» Берковица накрыла Нью-Йорк? Именно это можно подумать после мрачной находки, сделанной в пятницу вечером во время ареста преступника; после перестрелки и задержания в его квартире было найдено то, что вполне позволяет считать его новым последователем Сэма. Этот

человек расчленил два женских тела, а также развесил на стене множество фотографий с испуганными, искаженными от боли лицами; обнаружение этих фотографий позволяет предположить худшее. Стали ли эти люди жертвами серийного убийцы? Хотя полиция на нынешний момент отказывается от любых комментариев, один из неофициальных источников сообщил нам, что пока не найдено ни одного нового тела. Продолжение на стр. 2–3.

Не дочитав, мужчина опустил газету. Статья была результатом утечки информации, журналиста хорошо проинформировали, но при этом текст выглядел слишком поверхностным, например, это выражение – арест преступника – использовалось, чтобы скрыть незнание точной природы преступлений; ни одно имя не было названо, а неофициальный источник был единственным, указанным автором. В обмен на деньги какой-то коп что-то сказал, передав журналисту фотографии жертв, причем копии.

Мужчина поднялся, ручеек пассажиров почти иссяк. Он вытащил из камеры сверху дорожную сумку и направился к носу «Боинга».

«Умоляю вас, пусть с моей дочерью ничего не случится!»

Он неподвижно замер, закрыв глаза и пытаясь прогнать этот образ плачущей женщины. Он должен полностью сосредоточиться на том, что собирался делать в данный момент. На тексте статьи.

Бумага была тонкой, слишком тонкой, и мужчина не пе-

реставал спрашивать себя, что именно известно полиции. Очевидно, он посетит пресс-конференцию, которая состоится чуть позже, но этого явно мало для понимания ситуации.

Возможно, под влиянием статьи в субботу, во второй половине дня сделал официальное заявление, объяснив, что следствие идет полным ходом, но невозможно утверждать, что люди на фотографиях мертвы. Ответственный за связи с общественностью офицер уточнил, что арестован и отправлен в больницу человек по имени Спенсер Линч. Состояние его стабильное, но он нуждается в постоянном медицинском уходе. Официальный представитель не вдавался в детали под предлогом, что следствие продолжается и что, как только будет возможность, последует более подробное заявление. Показав восемь фотографий, полиция надеялась идентифицировать изображенных, расследование идет своим чередом – такова последняя реплика. Иными словами, пресс-служба полиции скрывает до определенного момента свою игру, чтобы еще больше подогреть интерес прессы. Сейчас разговоры о серийном убийце пойдут полным ходом, вспомнят Харви Глэтзмана из Нью-Йорка, «бруклинского мясника».

Человек с газетой покинул самолет и отыскал свой чемодан, потом направился к стойке, за которой выдавали багаж. После проверки личности ему выдали вторую сумку, поменьше, на которой блестела красная наклейка: «ВНУТРИ ОГНЕСТРЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ», он тут же ее сорвал. Ни-

чего подобного с ним не случилось ни разу до 11 сентября – раньше оружие можно свободно было провозить в багаже, а теперь ему уделили максимум внимания.

«Если она умерла, я этого не выдержу! Я не смогу жить после этого!»

Нет, хрен тебя дери, отбрось подобные мысли, загони их в угол своей черепной коробки и держи под прицелом, заставь эмоции утихнуть. Забудь мать, плачущую по дочери. Давай попытайся, сделай это!

Пассажир пересек здание аэровокзала, сосредоточившись на цели путешествия.

Холод улицы не испугал его – мужчина привык к суровым зимам, он просто натянул кожаные перчатки и стал ловить такси.

Чтобы доехать от аэропорта Ла Гуардия до центра Бруклина, понадобилось сорок минут. Там он отыскал отель, в котором забронировал номер, оставил вещи и, не тратя времени на отдых, с невольной дрожью спустился в метро, где не был десять лет.

На углу Шестой авеню и Берген-стрит находилась цель его долгого пути. Четырехэтажное белое здание с большими окнами и двумя зелеными фонарями по обеим сторонам входной двери: 78 полицейский участок.

Аннабель сдвинула пустую тарелку по прилавку в сторону бармена. Ее правая щека была покрыта маленькими бордовыми пятнышками – воспоминанием о колючих гипсовых крошках в доме Спенсера Линча.

– Положи мне кусочек, Таннер.

– Для женщины ты слишком прожорлива!

Под смех полицейского в форме бармен занялся приготовлением еще одного сэндвича. Атмосфера была дружелюбной, шутки сыпались через все пространство помещения, и нужно было быть чужаком здесь, чтобы не огрести их полную порцию. Большинство посетителей работали в пресс-центре, другие были полицейскими в штатском.

Мужчина в бежевом костюме, с разноцветным галстуком и тонкими рыжими усами подошел к Аннабель. Его вытянутое лицо придавало ему сходство с лисой.

– Не приставай к этому дятлу, О’Доннел, ты сегодня вне игры! – произнес он.

– Заткнись, Ленхарт.

Забыв про свой насмешливый тон, Луис Ленхарт присел на стул возле Аннабель.

– Только не ерунди, – продолжил он. – Джек Тэйер возглавляет следствие, ты в его команде, чего тебе еще надо?

– Это я должна вести следствие, ведь я рисковала в этом

деле, Вудбайну надо было подумать об этом!

– Эй, расслабься! Джек – детектив первой степени, он самый опытный из нас, и не стоит торговаться, не говоря уже о давлении, которое оказывают на нас СМИ.

– Не совсем так. Джек достоин этого, я за него только рада, но Вудбайн не должен был прицеплять к нам Бо Эттвела, ты прекрасно знаешь, как все закончится при помощи этого тупицы – он всегда тянет одеяло на себя. Вудбайн плохо составил команду, вот и все, поэтому я и ворчу.

– В любом случае, Аннабель, ты работаешь над этим делом, что еще? Расследование всей вашей жизни.

– Да, Лу, именно так. Ничего лучше мы и придумать не могли бы. Вот смотри, например, мне не нравится твой стиль работы, ты это знаешь, но ты хорошо относишься к тому, что я делаю, а капитан прохлопал ушами и не включил тебя в нашу группу.

У Ленхарта был такой вид, словно он подыскивает правильный аргумент. После небольшой паузы он откомментировал:

– Ну, ладно, скажем так: капитан играет осторожно и держит в руке все...

Гул разговоров внезапно смолк, большинство лиц повернулись к входной двери. Легкий рок теперь стал явственно слышен из динамиков. Бар Таннера обычно посещали только копы, да и держал его бывший коп, так было на протяжении четырнадцати лет, и ни у кого не возникало никаких вопро-

сов. Как любое личное пространство, копы защищали свой бар; за долгие годы здесь сформировались свои стереотипы, взятые, казалось, из какого-то кино.

Стоявший на пороге мужчина оглядел собравшихся и остановил взгляд на Аннабель; потом он направился к ней. В руках у него была газета.

– Вы – детектив О’Доннел? – спросил он.

– Вы представляете прессу? – вопросом на вопрос ответила Аннабель, разглядев «Нью-Йорк Пост».

Вновь прибывший протянул ей удостоверение частного детектива.

– Нет, я бы хотел поговорить с вами о том деле, которое вы ведете.

Аннабель посмотрела на него оценивающим взглядом. Далеко за тридцать, среднего роста, крепко сложен, худой, шатен, длинные пряди волос спускаются на глаза; небрежно выбрит, джинсы и потертая куртка – словно парень был кинозвездой.

– Я специализируюсь на исчезновениях людей, – добавил он.

После этих слов глаза Аннабель еще сильнее впились в него.

Рвения ему не занимать. Аннабель узнала газету, которую он держал, там были те самые восемь фотографий.

– ОК, пойдемте в мой кабинет, мистер...

Частный детектив протянул ей руку.

– Бролен. Джошуа Бролен.

В маленькой, заставленной мебелью комнате, было два окна. Столы, шкафы с папками, угол для кофе и еще один огромный стол, заваленный текущими делами. Груды «ко-рон», из которых торчали документы, лежали повсюду. Аннабель пригласила Бролена втиснуться между здешними пизанскими башнями и села сама.

– Судя по удостоверению, вы из Орегона. Что же привело вас сюда? Телефонного звонка было недостаточно? – спросила она, кинув куртку Джошуа Бролена на вешалку, также угрожающе наклонившуюся набок.

Джошуа Бролен положил газету на стол и показал пальцем на фотографии.

– Она. Рейчел Фаулет. Ее родители наняли меня, чтобы я ее нашел. Это семья из Портланда, где я работаю.

Аннабель откинулась назад в кресле и смотрела на частного детектива. Тот пояснил:

– Рейчел двадцать лет, это очень энергичная, крайне амбициозная девушка. В минувшем декабре у нее был эмоциональный срыв, она бросила университет. Рейчел узнала, что беременна от своего дружка. Для нее это была трагедия. Прямо перед новым годом она решила навестить старшую сестру, она живет здесь, в Филипсберге, Нью-Джерси. Девушке был нужен покой – иной, чем в доме родителей.

Сестры очень близки, и поэтому Рейчел приехала сюда. Ей нужно было принять решение, оставить ребенка или сделать аборт, и она надеялась, что сестра поможет ей определиться. Спустя неделю 13 января Рейчел уехала верхом на лошади в лес – прогуляться: за полмесяца это вошло у нее в привычку. Несколько часов спустя лошадь вернулась одна. Местная полиция прочесала лес, но никого не нашла. Фаулеты связались со мной в прошлую пятницу. И я как раз изучал родственные связи Рейчел, когда увидел это фото в «Нью-Йорк Пост». Тем же утром я отправился сюда из Портланда.

Аннабель записала имя девушки. Она не знала, как обстоят дела с выяснением личности всех жертв Линча.

– Мне нужна ваша помощь, детектив. Я обещал ее родителям сделать все, чтобы узнать, где она сейчас, и, если случилось самое худшее, представить им доказательства.

– Вы говорите, она беременна? Беременность уже была видна или нет?

– Нет. Если она молчала, то никто ничего не мог заметить. Задумавшись, Аннабель прикрыла рот ладонью. В течение долгой минуты оба молчали.

– Вы сказали, что специализируетесь на исчезновениях? Не самое просто ремесло для частного детектива.

Аннабель сразу же пожалела о своих словах, увидев, как во взгляде мужчины, сидевшего напротив нее, проскользнула какая-то тень. Ей захотелось нарушить молчание – внезапно она почувствовала себе очень глупо.

– Ладно... слушайте, – кашлянула Аннабель, – речь идет об очень деликатном деле, сейчас я даже не могу рассказать вам все подробности. Однако по-дружески я все-таки смогу вас немного сориентировать. Но не ждите от меня чуда, поскольку вопрос крайне конфиденциальный, – она указала подбородком на газету. – Даже если вначале были какие-то сложности, то теперь мы владеем ситуацией.

Бролен в свою очередь достал из кармана записную книжку, водрузил на нос очки, что придало ему обманчиво интеллигентный вид.

– Тип, которого вы видите там, на стене, это Спенсер Линч. Он недавно арестован за убийство, думаю, вы следили за пресс-конференцией?

– Да. Можно ли получить ксерокопию его фотографии?

– Погодите. Он пока в коме, но у него дома мы нашли некоторое количество самых разных фотографий.

Она вновь указала на газету.

– Некоторое количество? – переспросил Бролен. – Значит, их было больше восьми?

Вопрос прозвучал как утверждение в пользу ужасающего факта.

Аннабель внимательно посмотрела на него.

– Необязательно. Однако в настоящий момент вы не можете знать больше того, что я рассказываю. Что касается Рейчел, так ее зовут? Про нее нам пока ничего не известно, она одна из числа «жертв» с фотографий, и для выяснения по-

дробностей потребуется какое-то время. Однако – или к счастью – у Линча мы нашли два тела. И полагаем... что он был не единственным убийцей.

– Дуэт или трио?

У Аннабель было ровно мгновение, чтобы решить, о чем можно сказать и что лучше оставить за рамками разговора.

– Возможно. Может быть, трое, но это всего лишь гипотеза. Мистер Бролен, давайте внесем ясность: все, о чем мы здесь говорим, должно остаться между нами, хорошо? Если я вдруг обнаружу, что вы делитесь информацией, которую получили здесь, с кем-либо еще, мы прекратим общаться. Вы меня понимаете?

– Прекрасно. Если вас это успокоит, прежде я тоже служил копом.

Аннабель увидела у него на лице волнующую правдивость, Бролену не удалось подчинить себе все эмоции, и ее это заинтриговало.

Видя, что женщина молчит, Бролен моргнул.

– Что?

Она открыла рот, не решаясь продолжать; в ней боролись любопытство и профессиональное сомнение. Затем Аннабель все же сказала:

– Не знаю, почему, но мне кажется, что я вас знала раньше.

Настала очередь Бrolена помолчать. Затем он объяснил:

– Немногим более двух лет назад я участвовал в задер-

жании того, кого национальная пресса окрестила «портлендским призраком» серийного убийцы; может быть, поэтому, – СМИ много шумели.

Аннабель вспомнила. Дело вызвало огромный резонанс, убийца играл с полицией в кошки-мышки, одновременно оставляя позади себя трупы и каббалистические послания. Точно она не смогла припомнить, но ей показалось, что тогда Бролен был инспектором, который вел расследование; потом он устранился, чувствуя свою вину перед очередной жертвой убийцы – Бролен не успел прийти ей на помощь.

В женщине стала расти симпатия к этому человеку, сидевшему напротив; ей даже почудилось, что его лицо стало более притягательным – она почувствовала странную энергию, что-то вроде харизмы, которую излучал облик Бrolена, нервную, но гипнотизирующую силу, которую ни один актер не смог бы изобразить.

Он первым нарушил молчание:

– Впрочем, это старая история, и я хотел бы забыть о ней.

– Понимаю. Могу я предложить вам кофе?

– Нет, спасибо. Возвращаясь к Рейчел Фаулет, есть у вас что-нибудь еще по ее поводу?

Ты выглядишь не слишком довольным, не получив желаемого! И это тоже понравилось Аннабель в Бролене.

– К сожалению, ничего. Сейчас я могу сказать только вот что: дома у Линча были два трупа, он пытался убить третью женщину, но она сбежала от него, благодаря чему мы его и

взяли. У него мы нашли также множество фотографий мужчин, женщин и детей, которых, очевидно, пытали. Мы имеем все основания полагать, что речь идет о преступной группе, своеобразной «семье Чарльза Мэнсона», но это лишь предположение.

– На чем оно основывается? – спросил Бролен.

– Сожалею, но не могу вам этого сказать. Тем не менее ничто не указывает на то, что эти люди мертвы, впрочем...

– Что?

Их взгляды встретились.

– На каждой фотографии стоит дата. Мы начали сравнивать некоторых людей на фото, и в случае с двумя изображенными даты на снимках отделяет от момента их исчезновения промежуток от трех до семи недель.

– Они так долго были у него?

– Мы пока не уверены, следствие еще только началось, у Линча дома было столько документов, которые нужно разобрать! Четыре детектива работают над ними одновременно. И, кстати, почему вы выбрали меня?

– Ваше имя было единственным, которое произнесли во время пресс-конференции. Когда я приехал сюда, ваши коллеги посоветовали мне сходить в бар напротив, и я нашел вас там.

Чувствуя, что ответ был очевиден, Аннабель щелкнула пальцами.

– Что вы можете сказать о жертвах Спенсера Линча? –

спросил Бролен, поворачиваясь к фото маньяка.

– Вскрытие сделали вчера вечером. Обеих девушек утопили. Сначала их скальпировали, связали, а затем бросили в ванну, именно в такой последовательности, как мы полагаем.

– Скальпировали?

– Да, мы двигались и в этом направлении, но оказалось, что из их волос делали парики – при удобном случае Линч относил их мастеру. Парикмахера допросили, он ничего не знает.

Она быстро полистала свои записи и уточнила:

– Его зовут Уолтер Садмек, вопросы Линчу он не задавал, платил исправно. Клиенты Садмека готовы раскошелиться, лишь бы их парики выглядели как настоящие волосы.

– То есть преступления совершались с целью наживы?

– Не только. Волосы использовались на парики, ясно дело. Но у всех девушек были глубокие вагинальные травмы, этот придурак неоднократно насиловал их прежде, чем убить. Третья девушка – та, что выжила, – понемногу приходит в себя, она рассказывает нам о том, что он с ней делал, поверьте, это неприятно слышать как минимум.

– Насколько я понял, вы полагаете, что Спенсер Линч расправился с двумя, но остальные люди с фотографий попали в руки к кому-то еще, к другим маньякам? И среди них могла оказаться и Рейчел Фаулет; быть может, она еще жива?

– Не знаю, я же вам сказала. Есть множество вариантов. Скажем так: мы имеем все основания думать, что Спенсер

Линч – лишь звено в общей цепочке. В случае Рейчел возможно все, повторяю вам, существует разрыв в несколько недель между моментом похищения и той, что указана на фотографии. Мы обладаем огромным объемом информации, и главное сейчас – установить личности всех этих людей. Расследование ведется пока только два дня, и боюсь, что даже вся добрая воля обитателей планеты не смогла бы нам помочь.

Бролен кивнул в знак согласия. Он указал своей ручкой на стол Аннабель.

– Полагаю, что могу рассчитывать только на копию отчета о вскрытии? – спросил он.

Аннабель взглянула на него в недоумении. Потом встала.

– Ждите меня здесь.

Через пять минут она вернулась с ксерокопиями.

– Отчет о вскрытии, фото Спенсера Линча и то, что у нас есть в настоящее время о двух убитых девушках.

Передавая документы, она добавила:

– Я доверяю вам, зная, что вы оправдаете мое доверие. Дайте мне немного времени, и я расскажу вам о девушке, которую вы ищете.

Она собрала листы и отдала Бролену вместе с визитной карточкой.

– Если случится что-то срочное, номер моего мобильного – на обороте. Держите меня в курсе. И последнее: я ничего вам не говорила, пусть все останется между нами.

Бролен, казалось, удивился.

– В противном случае что? Вы дадите знать в мой офис?

Аннабель заметила, как он улыбнулся и чуть наклонил голову. Не то чтобы она попала под обаяние частного детектива, просто предположила, что прежде никто не замечал очарования, излучаемого его меланхоличным лицом.

– Спасибо большое, я вас покидаю.

– Удачи в деле Рейчел, – выдохнула женщина, когда Бролен уже стоял на пороге кабинета.

Вагон метро качало из стороны в сторону, временами раздавался резкий лязг, синие снопы искр приковывали взгляды пассажиров, приклеившихся к окнам. Дикие призраки, пленники ежедневной рутины, чьи глаза обозревали небытие в пространстве бесконечных тоннелей, состоящих из паленого каучука и нагретой стали; эти пейзажи воспринимались ими лучше, чем нить собственных жизней. Среди этих пассажиров ехал Джошуа Бролен, и на его черные глаза падала прядь волос.

Редкие желтые лампы, освещавшие туннели, напомнили Бролену некоторые основные мгновения его жизни, они стали яркими воспоминаниями среди общего хаоса его памяти.

Он вернулся в гостиницу во второй половине дня и обнаружил, что является единственным постояльцем в холле; он уселся в баре и стал просматривать документы, данные ему детективом О’Доннел.

Положив на барный стул старую, вытертую на локтях, кожаную куртку, он помассировал лицо. Глядя на него такого – утонувшего в просторном черном свитере крупной вязки, с длинными волосами, никто не смог бы угадать в этом человеке в «джинсе» и изношенных туфлях бывшего агента ФБР.

Ему было тридцать четыре, он обладал огромным опытом. «Не время предаваться воспоминаниям», – прошептал он,

обращаясь к самому себе.

Он подумал о Рейчел Фаулет – той, изображенной на фотографии, которую показали ему ее родители. Бролен вынул фото из своего портфеля. Рейчел была запечатлена радостной, улыбающейся – простой и наивной улыбкой – левый клык был сломан, что придавало девушке особенный шарм, делало ее более уязвимой, более трогательной. Бролен вспомнил это же самое фото в «Нью-Йорк Пост», и его сердце сжалось. Где теперь эти наивный взгляд, радость и беззаботность, что с ними стало? На их место пришли страх и почти полная покорность. Девушка умоляла о пощаде, просила, чтобы все закончилось, она больше не хотела жить. Как ее родители смогли это вынести?

Бролен проворчал что-то и до хруста сжал кулаки.

Чтобы отвлечься, он взял сигарету из кармана куртки и закурил. Вокруг не было никого, кто мог бы заметить ему, что в холле курить запрещается.

Попытки думать о жертве таким образом ни к чему не вели, они давали лишь пустую слабую надежду. Бролен окинул взглядом строй бутылок на полках, мысленно выпив залпом целый стакан.

Прошло несколько минут, он открыл блокнот и стал размышлять более приземленно. Обвел кружком имя Уолтера Садмека, парикмахера, которому Спенсер Линч продавал волосы своих жертв. Возможно, этот цирюльник был простым типом без стыда и совести, ни имевшим никаких свя-

зей с совершавшимися преступлениями, но его необходимо было допросить. Затем Бролен пометил: «шериф Мердок, Филипсберг» – город, где жила сестра Рейчел, некая Меган. Именно там исчезла Рейчел, поэтому надо было навестить местного шерифа, простая формальность.

Бролен стал читать биографии двух убитых Спенсером Линчем женщин – несколько страниц полицейских отчетов, составленных в то время, когда они пропали. Он должен был добраться до самого Спенсера Линча, не зная, правда, как это сделать. Если Спенсер не был похитителем Рейчел, все равно должна была существовать связь между ним и фотографией девушки, с пустыми глазами застывшей перед объективом.

Бролен убедился, что он все еще сидит в баре, и разложил перед собой бумаги.

На него смотрели два лица. Двух жертв Спенсера.

Мередит Паунер, девятнадцать лет, пропала 17 августа 2001 года; Айлиана Тарпов, двадцать семь лет, пропала 4 января этого года. Третью девушку, которая убежала и теперь находилась в больнице, звали Хулия Клаудио; согласно ее собственным словам, ее похитили на прошлой неделе, 15 января.

Бролен просмотрел отчеты о вскрытии и начал делать пометки в блокноте. Все трое скальпированы, две утоплены в ванне. Тело Мередит превратилось в отталкивающую субстанцию, части тела Айлианы почти не разложились.

Сквот Линча стоял неотопливаемым с начала зимы, в течение нескольких недель вода в ванне была ледяной, поэтому тела сохранились в своем «человеческом» облике, хотя лица изменились очень сильно. После стольких дней, проведенных в жидкости, кожа скользила по телу, словно по хвосту креветки, достаточно неосторожного движения, и оно могло выскользнуть из своей оболочки, особенно нельзя было тянуть за руки, чтобы не сдернуть кожу с запястий.

Обе девушки были опознаны по своим документам. Спенсер Линч оставлял у себя все: бумаги, дамские сумочки, даже одежду. Трофеи. Первичный отчет из лаборатории указывал на то, что нижние части женских тел, найденные в постели Линча, были покрыты желтоватыми пятнами, очень похожими на засохшие пятна спермы. Невозможно сказать, был ли он некрофилом, но когда тела уже достаточно сильно разложились, Линч наслаждался трусиками, оживляя в памяти свои извращенные фантазии, бушевавшие в нем тогда, когда он убивал. Сознательная мастурбация, – сделал вывод Бролен, – похоже на других серийных убийц.

Сейчас его интересовали жертвы; только они могли бы рассказать о своем убийце. Первая девушка, Мередит, была негритянкой, жизнелюбивым подростком, увлеченным делами церкви, прихожанкой которой являлась, она пела в хоре, вместе с подругами посещала детские больницы, в школе у нее были хорошие оценки. Короче говоря, вполне нормальная девушка. Другая была русского происхождения, после

Перестройки ее семья переехала в Штаты. Айлиана жила одна, без бойфренда, в Маленькой Одессе на Кони-Айленде. Работала маникюрщицей. Чтобы напасть на нее, требовалось больше смелости – она была старше, независимее и более готова к отпору, чем Мередит.

Что, Спенс, ты совершил серьезный рывок? Мередит была уязвимой, тебе это не понравилось, так? Она не защищалась должным образом, и потому напасть на нее оказалось слишком простым делом? Что происходит внутри тебя, Спенс, когда они начинают сопротивляться? Что? Когда они борются? Тебе нравится читать панический страх в их глазах, страх, который ты внушаешь, твоя маленькая победа доставляет тебе наслаждение?

Бролен взял фотографию Спенсера Линча, прочитал несколько заметок к его личности. Он фигурировал в досье УБОН⁸ – базе данных, куда попадали все, кто был замешан в торговле наркотой; сидел в тюрьме за распространение героина и других препаратов, а также за попытку изнасилования, хотя и значился в другой базе данных – ДНК. К двадцати восьми годам Спенсер имел девять лет, проведенных за решеткой. Но до июня 2001 года он никого не убивал. Фантазии рождались у него внутри, еще когда он сидел в тюрьме за попытку изнасилования, значит, в свободное время он размышлял о своем будущем преступлении. Когда настало время выйти, его желание выросло до огромных размеров,

---

⁸ Управление по борьбе с оборотом наркотиков.

он даже смерти мог заявить, что удовлетворит ее. Тем не менее перейти к делу оказалось не так просто, как кажется.

Бролен покачал головой, теряясь в догадках, никакой уверенности ни в чем, даже в выстраивающейся схеме. Он немного знал о прошлом Спенсера, и это была почти вся информация.

Первую жертву – Мередит – он выбрал по расовому признаку: тоже негритянка; юная, доверчивая, открытая людям, следовательно, более уязвимая и подходящая для манипуляций. Многие серийные убийцы выбирают жертв «под себя». *Этот мир своей осторожностью будит в нас паранойю...* – цинично усмехнулся Бролен.

Однако перерыв между ростом желания и его воплощением с каждой новой жертвой становился короче. В третьем случае он действовал намного быстрее – вошел во вкус и обрел уверенность, что способен понравиться людям.

Бролена смущало происхождение жертв. Афроамериканка, русская, испанка. *Ты же сам не знаешь, чего хочешь, Спенс? Кого ты ищешь?* Начал с кого-то, похожего на себя. Бролен буквально почувствовал: для *первого раза* Спенсер выбрал человека, близкого ему по цвету кожи, это позволяло в большей степени чувствовать себя в безопасности; хотя даже в этом случае ему потребовалось длительное время, чтобы решиться на это, превратить фантазии в *реальность*.

Согласно полицейскому отчету, Мередит исчезла вскоре после полудня, когда должна была находиться в церкви неда-

леко от Нави-Ярда в Бруклине. Айлиана жила на Кони-Айленде, Хулия – в Короне в Квинсе, очень далеко от дома насильника. Каждый раз Спенсер все больше удалялся от своего логова, это доказывало, что первое преступление он совершил в удобном месте, а потом осмелел.

Итак, нужно начинать с первой жертвы, факты могут сказать больше, чем сам Линч.

Обнаружить связь между ним и Рейчел Фаулет. Почему у него оказалось ее фото?

«Умоляю Вас, сделайте так, чтобы с моей дочерью ничего не случилось! Ничего плохого, найдите ее...»

Бролен закрыл глаза.

Мистер Фаулет позвонил ему и назначил встречу. Его супруга старалась справиться с эмоциями, и только под конец, когда он уже стоял на пороге, собираясь уходить, она зарыдала, эти звуки, шедшие из самой глубины души, были слишком хорошо знакомы Бролену. Она умоляла вернуть их дочь живой и здоровой. Тогда никто еще не знал, что она похищена – до публикации фото Рейчел в «Пост» они надеялись, что она попросту заблудилась в лесу, потеряла память в результате какого-нибудь несчастного случая или тайком уехала. Любая версия, только чтобы не думать о худшем.

Спустя полтора года после этого звонка Бролен так и не смог думать о страданиях семьи Фаулет отвлеченно, он почти сроднился с ними – его собственный горький опыт только помог сделать это.

Он раздавил окурок в блюде, взятом в баре.

Необходимо изучить список сокамерников Спенсера: тюрьма – лучший клуб для встреч преступников. От этой мысли лицо Бролена исказила горечь.

– Все в порядке, мистер?

Бролен поднял голову: над ним стоял бармен, с беспокойством глядя на своего клиента.

– Да, спасибо, все отлично.

Детектив разложил бумаги на стойке в нужном порядке. Сначала парикмахер, затем – родители Мередит Паунер; Бролен знал, за этот шаг Аннабель спустит на него всех собак, но именно там мог находиться ключ к разгадке преступления. Ключ, открывающий дверь тюрьмы, где томились Мередит и Рейчел.

Все равно, сделать что-либо еще было невозможно.

Бролен подошел к окну и посмотрел на серое небо, скрывавшее верхушки зданий.

Нельзя терять время. Возможно, именно в этот момент Рейчел Фаулет вопит от ужаса...

В лучшем случае.

В конце XI века, во время Первого крестового похода Антиохию осаждали восемь месяцев. Мусульмане защищали свои ценности так долго, как могли. Беря их в плен, крестоносцы отрубали им головы и бросали через стену, чтобы напугать осажденных и распространить среди них болезни. Давайте на краткий миг закроем глаза и представим себя внутри городских стен, вздрагивающих от ударов вражеских камней. Этих мужчин, женщин и детей, наблюдающих, как под покровом ночи приближается армия рыцарей с запада. Дрожащие факелы, забрала, скрывающие лица, боевые машины и наполненные головами корзины. Укрепления Антиохии готовы пасть, ничто не может остановить христиан. Они хлынут на улицы, неся под своими плащами и в блеске своих неправедных клинков смерть. Сердца осажденных сжимаются в груди от предчувствия резни, кровь бурлит в чреве у женщин, беззвучно плачут дети. Они знают, что умрут, и плачут от страха сильнее, чем от ненависти. Тысячи взглядов блуждают по сторонам, пока стенобитные машины ломают большие ворота. Все кончено. Смерть уже внутри.

Тысячу лет спустя, сквозь густой дым, заволакивающий Бруклин, те же напряженные взгляды, то же глухое смирение, рождаемое ужасом, навсегда отпечатываются на замерзшей бумаге.

Свидетели страдания – фотографии – только что приколоты кнопками к стене, освещаемой полосатыми неоновыми узорами. Над фотографиями видны неровности, из-за этих бугорков на стене белые бумажные прямоугольники частенько оказываются на полу, иногда падают к ней в кофе, особенно когда дверь захлопывается от сквозняка.

Между этой стеной взглядов и четырьмя окнами стоят несколько столов, стулья и даже софа, прожженная сигаретами и усеянная всевозможными пятнами.

В окно видна улица Берген – на ней расположились полицейские машины. В 78 участке Нью-Йорка эту комнату называют «стакан» – когда все в ней начинают разом курить, воздуха не остается в принципе; именно здесь происходят собрания или же временами образуются группы быстрого реагирования, если случается что-то серьезное; впрочем, таких случаев за четверть века было не больше десяти.

Сегодня в своем логове-«стакане» расположилась следственная группа, состоявшая из Бо Эттвела, Аннабель О’Доннел и Фабрицио Коллинза, а также Джека Тэйера, координировавшего всю работу.

Кабинет завален принесенными делами, куртками и пропах дешевыми дезодорантами.

Карикатурист оттянулся бы всласть, если бы решил изобразить эту сцену. Вначале он нарисовал бы мужчину, чье лицо избороздили морщины, отчего оно стало похоже на старый сухофрукт, – Тэйера. Рисуя Аннабель, он подчеркнул

бы ее мускулы – фигуру бодибилдера, сидящего на амфетаминах. Фабрицио получился бы типичным итальянцем: тщательно подобранный костюм, напомаженные волосы, черные очки и неизбежная шляпа-«борсалино», – все противоречило тому, кем он являлся на самом деле. Наконец, лейтенант Бо Эттвел, самый трудноизобразимый. Если бы пришлось все же рисовать его, лишь «Сын Человеческий» Магритта с его «котелком» и яблоком вместо лица соответствовал бы образу Бо, придавая этому необычному персонажу определенную уникальность.

Эттвел поблагодарил собеседника и повесил трубку. Взял клочок бумаги, на котором только что записал имя, и приколол его под одной из фотографий.

– Тридцать четвертая опознан, – прокомментировал он тоном, в котором странным образом соединились гордость и грусть.

Лейтенант Эттвел перевалил за пятый десяток, его внешность соответствовала типу «обычный американец»: небольшой живот, черты лица, отмеченные стрессом; купленные на распродаже костюмы завершали портрет типичного жителя Нью-Йорка. Его губы никогда не отдыхали; прямой рот плюс глубоко посаженные глаза создавали выражение, которое позволяло Бо экономить другие выразительные средства. Если бы не выступающая вперед челюсть и черные брови, контрастировавшие с волосами серого цвета, невозможно было бы отличить его от среднестатистического горожа-

нина. По его плохому настроению было ясно, что в команде он хотел бы быть «номером один».

Он отступил на шаг и скрестил руки на груди.

Неслабое зрелище. Когда члены группы смотрели на стену, вдоль позвоночника у всех пробежала дрожь.

Шестьдесят семь фотографий, и столько же человек, выстроившихся в длинные ряды смертников. Аннабель невольно сравнила эти взгляды и запечатленный в них ужас с воспоминаниями о жертвах Холокоста; на мгновение ей показалось, что она смотрит на бесконечные ряды людей, ждущих перед воротами Аушвица-Биркенау. Столько же невинных лиц, столько же выброшенных на ветер иллюзий.

Дверь отворилась, внутрь кабинета ворвался шум из коридора, и к команде присоединился капитан Вудбайн. Вид у чернокожего гиганта был озабоченный.

Джек Тэйер хлопнул в ладоши.

– Устраиваемся и делимся всей информацией. С самого начала.

Они сели вокруг длинного стола, освещаемого маленькими неоновыми лампами. Через несколько минут брызнули слова, разгоняя удушливые пучки теней; дым сигарет стал все более широкими кругами плавать по комнате, словно эфирная митра, придавая кабинету сходство с настоящим «стаканом».

Снаружи облака поглотили дневной свет, солнце полностью исчезло.

Эттвел произнес баритоном:

– В пятницу 18 января, то есть три дня тому назад, Спенсер Линч был арестован по причинам, которые всем нам известны. В настоящий момент он все еще находится в коме, врачи думают, что он выживет, но не знают, когда он очнется и каким выйдет из комы. Ладно. Дома у этого Линча мы нашли шестьдесят семь фотографий детей, мужчин и женщин разных возрастов.

Вудбайн казался только что проснувшимся; он, как будто не понимая, смотрел на фотографии.

– Насколько удалось выяснить, похищенные люди принадлежат к вполне благополучным семьям, – продолжал Эттвел таким тоном, словно руководил группой. – Фотографии были расположены в определенном порядке. Составлены в три различных «блока». Три полароидных снимка, изображающие жертв Спенсера Линча, были отделены от остальных. Два других «блока» разделяло подобие черты, проведенной вдоль стены. В одном пятнадцать любительских фотографий, в другом, самом отвратительном, сорок девять. Все сняты цифровым фотоаппаратом, затем напечатаны на специальной бумаге хорошего качества. Каждый снимок, очевидно, тщательно продуман и сделан без риска для фотографов. Априори никаких зацепок, которые могли бы вывести нас на их след.

– Вы хотите меня уверить, что *шестьдесят семь* человек заставили позировать и сфотографировали просто вот так,

без явной причины? – спросил капитан Вудбайн, ждавший простого подтверждения собственных слов, но все еще не решавшегося поверить.

– Боюсь, что кошмар только начался, Джек?

Эттвел повернулся к Джеку Тэйеру, подхватившему нить беседы, подойдя к доске, на которой были написаны три латинские фразы.

– *Caliban Dominus noster, In nobis vita, Quia caro in tenebris lucet*, – прочитал он. – «Калибан наш бог, В нас жизнь, Ибо тело светит во мраке». Три фразы. Мы пытаемся выяснить, знал ли Спенсер латынь, но это кажется маловероятным. Скажем так, это не его профиль. У него дома мы не нашли ни словаря, ни чего-то подобного, но мы постараемся прошерстить книги, которые он читал, чтобы убедиться, что фразы не взяты оттуда.

– Думаешь, их несколько, так? – спросил Вудбайн. – Секта, сатанисты или уж не знаю кто еще.

Прежде чем ответить, Тэйер оглядел собравшихся.

– В настоящий момент мы полагаем, что их трое. Все указывает на это: съемка с трех разных штативов, расположение фотографий на стене у Линча, даже цитата, разбитая на три фразы. Может, я и преувеличиваю, но Спенсер не один, это точно. Есть кто-то еще.

Настала очередь Аннабель встать и взять конверт со стола.

– В своей дыре Спенсер хранил письмо, – объяснила детектив. – То ли ему его принесли, то ли он сам его где-то

нашел – один конверт без имени и адреса. Внутри открытка, точное происхождение которой мы пытаемся установить. Пока мы ждем результатов, прочту текст на обороте – он о многом говорит.

Она вытащила открытку – на черно-белом снимке была изображена деревня, пересеченная узкой речушкой, – и бесстрастным тоном начала читать:

«Ты растешь. Делаешь меньше глупостей. Теперь ты должен научиться быть как мы. Невидимым. Преодолей себя, прояви хитрость: в семействе Джона Уилкса ты найдешь JS 115. Маленькое примечание: это семейство возит на своей спине богатства земных недр. Оно обитает в верховьях Делавера... Будь достойным, и до скорого, мой маленький С. Боб».

Вудбайн увидел, что его сигарета одиноко погасла в пепельнице.

– Есть подпись: «Боб», – закончила Аннабель. – Очевидно, Спенсер сжег остальные письма и открытки, в его мусорном ведре мы нашли сгоревшую бумагу. Это он получил недавно, и ему просто не хватило времени его сжечь.

– На конверте указан индекс? – спросил Вудбайн.

Аннабель уже собиралась ответить, но Эттвел опередил ее, и это заставило женщину нервничать: Бо хотел в одиночку позировать в лучах софитов.

– Да, причем там была еще и какая-то блестящая пыль. Сейчас мы ждем результаты из лаборатории. Следы от липкой ленты на обороте конверта. Мы думаем, письма были приклеены скотчем к какому-то предмету, и Спенсер хотел перечитать их позднее. Кто? Когда? Как? Над этим мы сейчас и работаем.

Фабрицио Коллинз все это время сидел молча. Его длинные темно-русые волосы были завязаны в узел, спускавшийся к шее, а в превосходно выбритых щеках отражался свет ламп. Это был красивый мужчина, чьи чары, казалось, портили прорезывавшиеся клыки, поэтому он не мог сейчас улыбаться. Прежде чем присоединиться к разговору, Фабрицио погладил волосы.

– Наконец, мы пытаемся установить имена всех... этих людей, – смутившись, произнес он и указал на фотографии. – Требуется время, но мы уже значительно продвинулись, мы уделяем этому больше всего времени. Мы знаем тридцать четыре имени из шестидесяти семи. Большинство значатся как «пропавшие без вести».

– Господи...

Коллинз продолжал, теребя воротник дорогого «поло»:

– Изучая даты исчезновений, значащиеся в заявлениях, можно сделать вывод, что самое раннее произошло в июле 1999 года. Пока установлены личности только половины жертв, и есть вторая половина, тем не менее эти парни потихоньку занимаются своими делами как минимум уже два с

половиной года! Представляете?

Аннабель вырвала лист из блокнота и, положив на стол, подтолкнула к капитану.

– И наконец, – сказал она, – у нас есть татуировка, которую Спенсер Линч сделал на коже Хулии Клаудио: 67 – (3). Сейчас, – продолжила детектив, – мы понимаем ее значение: 67 – общее число похищенных, 3 – его персональный «счет». Вроде бы все предельно просто, но так получается наиболее логично.

– Может ли кто-то объяснить мне, о чем вообще речь? – прогремел голос Вудбайна.

Над столом повисло болезненное молчание, призрак ледящей душу загадки.

– Полагаю, мы наткнулись на отвратительную тайну, которую несколько человек старались скрывать в течение длительного периода времени, – резюмировал Эттелл. – Даже будучи сверхковарным, похитить одного за другим шестьдесят семь граждан этой страны, день ото дня замечая следы... Они должны быть хорошо организованными.

– Это эвфемизм, – безрадостно засмеялся Тэйер.

– Но кто «они»? Что за ублюдок организовал подобие секты, похищавшей этих несчастных? – выругался Вудбайн.

В тишине раздался голос Аннабель:

– Они точно сумасшедшие. В этом ответ на вопрос, зачем им нужно было похищать людей. Посмотрите на эти лица, на них все написано. Никакой, на хрен, логики, там ведь даже

дети есть!

... Четыре детектива провели уик-энд в этом кабинете, ведя расследование и сопоставляя первые выводы в поисках очевидного, и они все чувствовали себя загруженными. На фотографиях было изображено столько мужчин и женщин, что в объеме фактов, казалось, просто невозможно разобраться. При каждом «мозговом штурме» появлялись новые следы. Как будто стремясь подчеркнуть этот эффект, Фабрицио Коллинз привстал со стула и возразил:

– Эй! Минуту! Это ведь еще не все.

Маленькое собрание проследило за взглядом своего молодого длинноволосого коллеги, направленным на «стену страдания».

– Среди них есть женщины: от юных до зрелых, то же самое с мужчинами. Присутствуют представители всех этнических групп, правда, белых больше. Но если вы хорошенько присмотритесь, вы не увидите среди жертв стариков. Я хочу сказать, что самому пожилому из всех – около пятидесяти. Большинству же всего лишь между двадцатью и тридцатью.

– Точно, – одобрил Тэйер. – Самый молодой из всех – он, – Тэйер указал пальцем на мальчика, в глазах которого не было слез – видимо, все они к моменту, когда его сфотографировали, уже пролились. – Томми Хиккори, ему восемь; столько же, сколько Карли Марлоу, вот этой девочке.

Все кроме Вудбайна что-то пометили у себя в блокнотах.

Потом Эттвел, по-прежнему бесстрастный, оглядел команду и подытожил:

– Если конкретно, то у нас есть эти шестьдесят семь фотографий, подобие молитвы на латыни и таинственная открытка. Плюс множество второстепенных зацепок, список вещей Спенсера, результат анализа пыли на конверте, лист сокамерников Спенсера...

Вудбайн покачал головой.

– Завтра сюда из Центрального управления Северного Бруклина придут три детектива, они помогут вам, вы сможете распоряжаться ими как захотите. – Капитан поднял указательный палец. – Распоряжение шефа полиции. СМИ не должны ничего знать о шестидесяти семи фотографиях, я не хочу дополнительного давления. Типы из Центрального управления помогут вам подобрать информацию для прессы. Вы оставите все свои предыдущие дела, они будут перераспределены, мне нужно, чтобы вы занялись вплотную только этим. ФБР отдает свою лабораторию в наше распоряжение, а полиция штата готова помогать нам при малейшей необходимости.

– Федералы не собираются вмешиваться в это дело? – забеспокоился Эттвел.

– Нет, этот кошмар теперь на слуху у мэра и даже у губернатора, они хотят, чтобы все было сделано корректно. Вы остаетесь на линии огня, но нам срочно нужны результаты.

Вудбайн вновь бросил взгляд на стену, взглянув на мно-

жество умоляющих глаз.

– Надеюсь, что сейчас не все эти люди мертвы, – прошептал он.

Джек Тэйер положил руку на плечо капитану. Обоих связывала многолетняя дружба.

– Я... Я бы не был столь оптимистичным на твоём месте. Есть моменты, которые мы пока опускаем.

Ноздри Вудбайна втянулись, его нервозность становилась все заметнее.

– Молитва на латыни, найденная нами у Спенсера, была написана кровью. Утром из лаборатории пришел факс. Это человеческая кровь.

Вудбайн закрыл глаза, он даже не удивился. Этвел внес большую ясность, добавив:

– На самом деле это смесь из крови нескольких людей. Скольких – лаборатория не смогла установить.

Даже опытному капитану, занимавшемуся разными безумными историями на протяжении двадцати трех лет работы в полиции, показалось, что шестьдесят семь пар глаз с фотографий обращены к нему.

Это было невыносимо – и из его глаз потекли слезы.

Почему вы делаете это? Кто вы?

Но больше его удручал вопрос, как человеческие существа могли участвовать в подобной дикости, участвовать расчетливо и холодно, и с какой целью?

Под столом затрещал обогреватель. Все замолчали.

Нью-Йорк и его пригороды расположены поверх плиты, спускающейся к берегу океана. С высоты, когда ночь понемногу начинает разворачивать свои украшения, она напоминает огромное пятно, трепещущее множеством огней.

Местами видны тревожные торнадо «мигалок» полицейских машин, двумя цветами – красным и синим, отражающиеся на фасадах зданий. Они ритмизируют тамошние угрюмые улицы. Если бы потребовалась музыка, чтобы создать достойный аккомпанемент такому зрелищу, то вполне – усилиями меланхолического, медленного и мрачного хора – можно было бы исполнить гимн миллионам неведомых жителей, этих странным образом скрывающихся призраков мегаполиса.

В глубине одного из местных каньонов мы видим женскую фигурку, идущую навстречу общему людскому потоку. Еще одна баба, – могут сказать одни; скорее, миловидная; крепкие мускулы, напряженная спина, твердая походка.

Преодолевая порывы ветра и вся погруженная в свои мысли, Аннабель поднялась по Клинтон-стрит, держа в руке сумку, набитую делами. Она пересекла Джоралемон и посреди улицы на миг исчезла в густом пару, поднимавшемся из решетки водостока. Когда ее нога ступила на тротуар, мобильник завибрировал, а затем начал звонить.

Дерьмо. Дайте же мне хоть мгновение! – рассердилась она про себя.

Найдя небольшое укрытие перед зданием банка, Аннабель поставила сумку.

– О’Доннел. Слушаю, – произнесла она, переводя дыхание.

– Привет. Это Джошуа Бролен, можете говорить?

Придержав сумку ногой, Аннабель перекинула телефон из руки в руку и сказала:

– Говорите.

Частный детектив с ходу бросился в атаку:

– Я только что встретился с парикмахером, которому Спенсер Линч продавал волосы своих жертв. Парень странный, но выглядит искренним, как мне показалось. Видимо, он замешан в каких-то мелочах и боится; правда, там – ничего серьезного. Думаю, вы поняли, что он не...

– Да, его не в чем упрекнуть.

– М-м-м... – раздался выдох, как будто Бролен выпустил струю дыма. – Это неудивительно. Зато я навестил родителей малышки Паунер, той, которую Линч похитил первой, здесь тоже ничего экстраординарного. Я больше сосредоточился на этой части дела. На ней...

– Бролен? Послушайте, у вас есть время?

– Я просто стараюсь соблюдать правила игры, у меня есть свои способы. Вы кое-что рассказали мне, теперь моя очередь держать вас в курсе.

Аннабель распрямилась. Эта игра по правилам понравилась ей, она была неожиданной и приятной. Показавшийся ей сперва хитрым, частный детектив убедил ее, что готов помогать. Она не могла удержаться от того, чтобы задать самой себе вопрос: как долго он будет поступать таким образом? Аннабель глядела на проходящих мимо прохожих, старавшихся не толкнуть ее, и в свою очередь старалась не смотреть на них.

– В каком отеле вы остановились? – решила спросить она.

– «Каджо Мэншн» на Атлантик-авеню. А зачем это вам?

– Я приеду, – выдохнула она. – Так будет проще.

Повесила трубку, подняла сумку с делами, развернулась и побрела дальше, сквозь лучи автомобильных фар и толпы торопливых пешеходов.

Бар отеля заполнялся, группа мужчин в костюмах переговаривалась голосами чуть более громкими, чем принято; несколько пар ужинали за стеклянными столиками, на которых горели свечи. Радио тихо исполняло песню Эди Брикелл, которую никто не слушал, кроме, может быть, человека с бокалом мартини. Наконец и он перестал слушать музыку, дабы не походить на старика.

Бролен поставил стакан и принялся листать свежую газету. Глядя на него, можно было предположить, что он неплохой спортсмен, пусть немного обросший жирком, но все

же...

Входная дверь распахнулась, и на пороге возникла Аннабель. Джошуа Бролен поднялся, показывая, насколько он рад.

– Прощу. Я отвлек вас своим звонком, не так ли? – спросил он, показывая пальцем на сумку из крафт-бумаги, которую Аннабель держала в руках.

– Нет, вы отвлекли меня от тарелки супа и часового просмотра CNN, который является самой большой драмой современности.

– Информационный фастфуд!

Аннабель присела и заказала содовую.

– Что вы хотели мне сказать? Что-то насчет похищения Мередит Паунер, так?

Кивнув, Бролен начал, даже не сделав глубокий вдох. Он был в материале.

– Изучая ее дело, я пришел к своим маленьким выводам. В день похищения Мередит отправилась в церковь, чтобы провести там вторую половину дня. Она сказала родителям, что предложила приходскому священнику волонтерскую помощь. Согласно полицейскому отчету, священник, служивший в приходе Святого Эдварда, в тот день не видел девушку, однако он признает, что провел большую часть времени дома, а не в храме. Полиция не нашла свидетеля, никто из бывших в тот день в церкви не отметил ничего необычного. Никто не запомнил девушку, похожу на Мередит, однако в

приходе тогда было много народу. Копы предположили, что она пропала по дороге туда. Если внимательно посмотреть на жертв Спенсера Линча, мы заметим, что они все – разных национальностей, что для *серийных убийц* является редкостью, обычно они нападают на представителей той расы, к которой принадлежат сами. Словно Спенсер искал кого-то, не зная точно, каким образом воплотить свои фантазии. Думаю, что когда он убивал первую девушку, он просто хотел набраться уверенности, поэтому и выбрал Мередит – она, как и он сам, чернокожая, молодая и охотно общалась с людьми, любила помогать другим и по природе своей была лишена подозрительности. И Спенсер Линч знал ее. С другой стороны, церковь Святого Эдварда и Хайтс находятся не так далеко от его дома, все-таки не на противоположном конце города, и это тоже его успокаивало.

Аннабель жестом прервала Бролена и отпила из стакана, который только что перед ней поставили.

– Согласна, вы рассуждаете логично, и все сходится, однако откуда взялось утверждение, что Спенсер знал Мередит? Быть может, вывод поспешный, не думаете?

– Нет, напротив. На Спенсера набралось целое уголовное досье, но по преимуществу это все мелкие правонарушения, он не был замечен в попытках изнасилования или сексуальных домогательств; там только «всего один» пример агрессивного поведения. Немного для того, кто готовится совершить три преступления на сексуальной почве в ближайшие

за освобождением из тюрьмы месяцы. Нет промежуточной стартовой площадки. Или почти нет. Ладно, нельзя легко дойти до убийства, буквально просто по щелчку пальцев, как показывают по телевизору.

– Ок, знаю. Возможно, Спенсер сделал что-то еще и не был при этом схвачен за руку!

Бролен пожал плечами, было ясно, что довод Аннабель не кажется ему убедительным.

– Он не пройдоха и по собственной глупости засветился на наркотике и вовсе уж по-идиотски – проявлением агрессии, я читал отчеты. Если бы он попался на чем-то еще, его бы остановили тогда, а не теперь. Полагаю, что пульсирующее у него внутри желание убивать возникло задолго до попытки изнасилования, однако его собственный характер помешал ему действовать. Он прежде всего мечтатель, он воображает себе разные вещи, его сексуальность контролируется его мозгом, а не реальностью. Мне кажется, вы должны были найти у него дома какую-нибудь порнуху в изобилии.

– Действительно, мы нашли кипы журналов.

– Никакой неожиданности, все как я и думал. Сидя в тюрьме, он имел время поразмышлять на тему абсолютной власти, контроля, доминирования, *другого* в качестве сексуального объекта, и никаких мыслей о себе. Он мог мечтать, готовиться, возможно, даже не признаваясь себе, что это произойдет *на самом деле*. Но было слишком поздно, он почувствовал потребность убивать. Через некоторое время

после освобождения он стал действовать. Слишком быстро, даже, я думаю, чересчур. Существовал некий спусковой механизм. Вы представляете себе психологию серийного убийцы, детектив О'Доннел?

– Ну, в общем, нет, это не моя компетенция, скажем так.

– У всех подобных преступников в момент первого убийства срабатывает спусковой механизм. Часто речь идет о стрессе, который обычному, «нормальному» человеку не кажется непреодолимым: денежные проблемы, увольнение, разрыв с любимым, даже весть о неизбежном отцовстве. Между тем для серийных убийц именно дополнительный стресс становится поводом к действию. В дальнейшем при совершении новых преступлений эта «направляющая» им больше не нужна, они уже отталкиваются от сделанного. Избегая конкретики, скажем просто: в случае Спенсера Линча срок между его освобождением и первым убийством очень короткий. Слишком мало времени, чтобы собраться, накопить в себе переживания... Я бы ждал от такого типа, как он, сначала минимум одного-двух нападений с целью простого изнасилования. Постепенной эволюции. У себя в кабинете вы сказали мне про группу серийных убийц, не так ли?

– Эй, минутку! Я не сказала *убийцы*! Напротив, у нас пока есть только жертвы Спенсера Линча! Мы полагаем, что у похищений были организаторы, но речь не идет об убийцах.

– Мы оба знаем, что есть и другие, – цинично предположил Бролен. – Я хотел бы посмотреть на этих организато-

ров, поскольку мне кажется, что Спенсера подтолкнул к преступлению кто-то из них. Кто-то, кто знал его, человек той же породы, что и он сам, сумевший разбудить в нем желание и заставить выполнить его. Спусковой механизм Спенсера. Который объясняет нам, почему убийство было совершено вскоре после выхода из тюрьмы. В первый раз Линч убил свою знакомую. Завтра я отправлюсь в приход Святого Эдвардса и поговорю со священником. Если вы не видите в этом неудобства для себя, я хотел бы показать ему фото Спенсера, может быть, он видел его во время служб или шатающимся внутри здания. Учитывая конфиденциальность расследования, я хотел бы получить ваше разрешение на использование этой фотографии.

Аннабель с любопытством разглядывала своего собеседника. Она снова отпила из стакана и подвинула стул, чтобы сесть прямо напротив Бролена.

– Почему вы стали частным детективом? Вы отлично справлялись со своими обязанностями на службе, поэтому я просто озадачена. Почему же частный детектив, «специализирующийся на похищениях»? – спросила она серьезно.

Лицо Бролена исказила гримаса боли.

– Это сложная... история, – произнес он, сдерживая эмоции.

Внезапно шум голосов вокруг усилился, им обоим стало неудобно друг перед другом.

– А вы? – спросил Бролен. – Какая у вас была причина?

Почему вы стали полицейским?

Аннабель улыбнулась: Бролен вывернулся неловко, однако ей это понравилось. Ничего общего с сексуальным влечением, просто контакт сам по себе был приятным, а Бролен казался таким странным и многоликим, что это даже было интригующе. По правде говоря, она не испытывала желания ни разу после исчезновения Брэди. И потому не искала удовлетворения. В течение длительного времени выбирая между могилой и надеждой «в наволочку», Аннабель определилась и потому больше не сомневалась. Она надеялась, иногда не без горечи проигравшей, но все еще надеялась.

– Ничего особенного, – произнесла она дрожащим голосом, удивившим ее не менее, чем тон Бrolена.

Легонько кашлянув, чтобы восстановиться, она продолжила более игриво:

– Сожалею, в моем случае все скучно, никакой оригинальности, как и у большинства жителей этой страны!

Бролен в свою очередь улыбнулся, и эта улыбка вдохновила Аннабель на продолжение фразы.

– Выросшая на кукурузе девушка из пригорода, как и вся американская молодежь в семидесятые и восьмидесятые, я боялась ядерной войны с СССР, это наша общая травма. Остается добавить, что я испытывала сильный интерес к отношениям между людьми, что мне нравилось действовать, и потому-то я и пошла на службу в полицию.

– Ни медали, ни знаменитого предка? Ни голливудского

сценария?

При последних словах на лице Аннабель появилось искреннее удивление. Оба смутились, и женщина сосредоточила свое внимание на деньгах. С почти обезоруживающей мягкостью она подняла лицо к Бролену и спросила:

– Долгая прогулка?

Бролен медленно кивнул. Аннабель взяла две бутылки «БадЛайта», сунула их в карманы «бомбера» и положила деньги на стойку.

На метро они проехали Бруклин до самого Кони-Айленда. Сидя в вагоне, оба молчали, разглядывая пейзажи за окном – когда состав вылетел из-под земли и на высоте пятнадцати метров двинулся по рельсам. Иногда их взгляды пересекались, и на лицах у обоих возникала понимающая улыбка – они казались детьми, которые гордятся тем, что ходят в одну и ту же школу. Через полтора десятка километров поезд легкого метро стал замедлять ход. Бролен смотрел на возвышающиеся вокруг высокие, сменяющие друг друга коричневые башни, эти огромные бункеры с сотнями светящихся окон – уже начался вечер, – и тут он понял, что разглядывает здания с дешевыми квартирами и окнами, выходящими на море. Более чем где-либо, здесь чувствовалась ирония: людей рассадили по клеткам, но позаботились о том, чтобы сделать для них балконы с видом на ускользающую необъятную свободу.

Станция «Кони-Айленд» была пустынной, вестибюли

пахли мочой. Зимой на пляж никто не ездил, разве что несколько пожилых обитателей квартала. Никаких туристов, само собой, они все свалили отсюда до весенней уборки.

Аннабель повела Бролена по пешеходной дорожке, вдоль которой стояли домики с закрытыми окнами; сверху на эти жалкие хижины с видом полного безразличия смотрели башни. Им попались полдюжины одетых в куртки «North Face» подростков, болтавших и слушавших назойливый рэп. Чересчур занятые беседой и разделом «косяка», они не обратили на пару пешеходов никакого внимания.

Прошли мимо парка аттракционов, которые, как и все вокруг, тоже впали в зимнюю спячку; парк напоминал морское животное, прячущее в темноте свой тощий скелет, образованный изгибами «русских горок».

Аннабель указала Бролену на лестницу:

– Здесь приятно гулять. Вы знаете Нью-Йорк?

– Я был тут несколько лет назад как турист. Но еще ни разу не попадал в Бруклин.

– Хотя, строго говоря, эта территория действительно относится к Бруклину, мы, можно сказать, на ничейной земле. Летом здесь рай для среднего класса, но зимой... простая оболочка, иллюзия. Но мне зимой тут нравится больше.

Они забрались по ступеням на променад Ригельмана – бесконечный деревянный настил, окаймляющий пляж. Ветер ворвался в волосы Аннабель и разметал ее косы; она зябко поежилась; Бролен стоял и смотрел, как в лунном свете

блестит серый песок, и угадывал вдали – по шуму волн – темную морскую гладь.

– Большинство людей, живущих в Нью-Йорке, теряются, впервые попадая сюда, – заметила Аннабель.

– Меня это не удивляет.

Дыхание ветра, безостановочно гнавшего волны, было соленым. Аннабель сделала несколько шагов по настилу в сторону пляжа, Бролен присоединился к ней. Они шли медленно, понемногу подбираясь к кромке воды. Женщина, чуть-чуть волнуясь, стала подыскивать слова, чтобы нарушить воцарившееся молчание.

– Когда я спросила у вас, почему вы выбрали профессию частного детектива, я не хотела быть нескромной; надеюсь, вы не обиделись.

– Не оправдывайтесь. После того, что случилось в полдень, я должен вам кое-что рассказать. В общем, у меня в университете был профессор, который говорил: «Удовлетворяя любопытство незнакомых людей, мы вступаем в браки», мне, в принципе, эта мысль нравится.

– Вы хотите начать рассказ, затронув тайные струны моей души? – спросила Аннабель, развлекаясь.

– Не думаю, что в этом есть необходимость. Я это уже сделал.

Первая реакция Аннабель – возмущение – уступила место раздумьям о том, что в некотором смысле Бролен прав. Мягкость частного детектива с первых же минут общения с

ним тронула ее, точно так же как и дело, которое привело его сюда. Именно поэтому Аннабель передала ему конфиденциальные документы. Но все же Бролен не был с ней до конца откровенен. Однако Аннабель пришлось признать, что и это она по достоинству оценила в Бролене.

Они сели на пляже. Женщина достала из карманов бутылки с пивом и протянула одну из них коллеге.

– В течение нескольких лет я работал инспектором полиции в Портленде, – начал Бролен. – Сначала хотел поступить на службу в ФБР и стать профайлером. Закончил университет, потом прошел отбор в Бюро. Я учился в Квантико, собирался работать федеральным агентом, но в конечном счете не стал им. Я бредил этой профессией, однако, столкнувшись с практической работой, увидел, насколько сильно она отличалась от моих туманных представлений о ней. Я начал опасаться, что проведу остаток своих дней в условиях, далеких от комфортных. Рискаю прослыть избалованным ребенком, не знающим, чего он хочет, я уехал: два года службы в ФБР, а потом тихое возвращение в Орегон. Я пошел работать в полицию Портленда, занимался расследованием преступлений. Скажем так: мое образование позволило мне браться за серьезные дела.

Он сделал глоток «БадЛайта», уже сильно остывшего на январском холоде.

– Тогда-то я и столкнулся с делом Лиланда Бомонта, серийного убийцы. А затем с «Призраком Лиланда», или «оре-

гонским призраком», как назвала его американская пресса; второй вариант не такой интимный, поэтому давайте использовать его.

– Если я правильно помню, их было несколько, да?

Бролен сосредоточенно смотрел на океанские волны, пенящиеся в тридцати метрах от них.

– Трое. «Портлендский палач» – Лиланд Бомонд, его Призрак и Ворон. Но в конечном счете только один человек дергал за веревочки. Ворон. Но когда я думаю о нем, то зову его *Данте*.

Любое воспоминание о тех событиях вызывало у Бролена тяжелые вздохи. Вот и сейчас в его груди разразилась буря страдания; казалось, удары внутреннего грома разрывают его душу и сердце. Мысли о работе в полиции неизбежно приводили его к этим призракам, к тому, во что благодаря *Данте* превратилась его собственная жизнь. Расследование принесло ему все: профессиональную славу, разочарование, стимулы, энергию и даже любовь. Он не довел дело до конца, чуть-чуть не успев помешать убийце. Затем последовала отставка.

– Почему *Данте*? У него что, не было настоящего имени?

Бролен вынырнул из глубины своих мыслей и поднес бутылку к губам.

– Он похож на поэта, – глотнув, ответил детектив, – он устроил другим людям настоящие круги ада. Но, может быть, я зову его так потому, что до конца не разобрался в

потемках его души... — добавил он, помолчав.

Аннабель нахмурилась, но не отважилась спросить; Бролен должен был сам ей все рассказать.

— Он не достоин того, чтобы люди знали его имя, — наконец объяснил детектив. — О нем говорили везде, писали книги. Тогда как его жертвы забыты, все они — безымянные убитые. Таков мой ему ответ: стереть его имя из памяти.

Сострадание, переполнявшее Аннабель, было искренним. С самого начала их знакомства что-то в этом человеке расположило ее. Детектив Бролен казался равнодушным к мнению посторонних, он жил в обществе, но его ум не был подчинен этому обществу; Бролен был окружен ореолом настоящей свободы и страдания, и этим страданием он платил за свободу.

Аннабель положила ладонь ему на плечо, утешая; в жесте не было никакой двусмысленности; она спросила себя, как могла появиться в Бролене такая ненависть к этому *Данте*. Как будто к делу promешивалось что-то глубоко личное.

— Когда *Данте* был арестован, я уехал подальше от всего этого. Затем уволился из полиции. Несколько месяцев я путешествовал, не зная, что делать теперь.

— Почему же вы вернулись?

Тихий вопрос напоминал ласковый ветерок.

— Камни.

Глядя на океан, Бролен сделал еще один глоток.

— Уезжая, я не убегал прочь, а просто пытался ответить на

вопрос «Почему?». Разобраться в смысле жизни. Старушка Европа казалась мне идеалом, я хотел найти ответы там, в колыбели нашей истории. Сначала Франция, потом Италия. Я пересек экс-Югославию, разрушенную лживой информацией больше, чем войной, затем Грецию... Но ни намек на ответ во мне не возникло. Я видел солнце, встающее над башнями Каркассона, море, наблюдавшее за подвигами Геракла, но ничего не пробудилось во мне. Египет стал следующей моей целью, я пробыл там шесть месяцев. Я мог бы рассказать вам много чудесных историй про эту страну, ее жителей, Каир и Хан-аль-Халили⁹, Нил и тамошние богатства. В Египте я забылся, очистил свою память от жестоких образов, преследовавших меня, перестал быть собой. Однажды утром, проведя ночь в беседе с новым знакомым, я поехал в Гизу. Когда я смотрел на рассвет, стоя возле пирамид, неутомимый танец солнца на поверхности камней, стоящих вот так уже четыре с половиной тысячи лет, открыл мне глаза. Слабый ветер шевелил песчаное покрывало на песчаных холмах, и это было великолепно. Три царицы возвышались прямо передо мной, творение человеческих рук, бросающее вечный вызов звездам – сквозь время, сквозь историю; мне казалось, я слышу голоса людей, их создавших. Отвага ушедших сочилась через песок, и я снова подумал об Афинах и Акрополе, о Каркассоне с его башнями, строителях этих красот и их современниках; камни сами говорили со мной.

---

⁹ Заменитый каирский рынок.

Я вернулся в Каир, долго размышлял обо всем этом в тени портика мечети Ибн Тулуна и наконец понял, что пора прощаться с молитвенным пением, раздававшимся с вершин минаретов.

Его глаза дрожали от череды воспоминаний. Чуть менее уверенно Бролен добавил:

– Вот. Очень кинематографично, правда?

Он понимал, что не сможет выразить все пережитое тогда, все эти трансформации. Вращение Колеса Времени открылось ему благодаря камням. Запечатленные в камне неизвестные люди, мгновения их бытия, улыбались и плакали; казалось, горечь времени усиливает собственные горькие размышления Бролена. Он жил сегодня и не имел права спорить с этим фактом.

Орегон опять вовлек его в неудержимый вальс сменяющих друг друга времен года, и Бролен – постаревший, уязвимый в своей искренности – снова окунулся в глубины озер и холодных рек. Он не излечился от ран, просто набрал немного сил у порывов ветра пустыни и мудрости истории. Он смирился и нашел такой ответ: перестать быть никем.

– Я стал частным детективом, чтобы расследовать преступления – а это я умел лучше всего. Любопытно, что у меня открылся талант разбираться в психологии преступников. Я решил не закапывать его в землю и помогать тем, кому он мог бы быть полезен. Полагаю, нет ничего худшего, чем узнать однажды, что тот, кого любишь, вдруг исчез. Поэтому-

му-то я и занимаюсь исключительно делами, связанными с пропажей людей. Многие из этих людей просто сбегают, иногда причиной бегства становятся преступления. Я приношу их семьям ответы, пусть даже самые тяжелые из возможных, но никогда не оставляю их в неведении.

Допив, Бролен посмотрел на Аннабель. Она смотрела на него странными глазами, чуть открыв рот. Несколько раз моргнув, она, казалось, вспомнила, где находится.

– Что сказать. Я...

Слова застыли у нее на губах. Ей хотелось рассказать о множестве вещей, доверить свою боль, насытиться его пониманием, его дружбой. Рассказать о Брэди, ее пропавшем супруге, вздрагиваниях каждый раз, когда хлопает дверь, безумной надежде на то, что это он, об одиноких ночах, жизни в ожидании, закрывавшей ей дорогу к чему-то иному. В словах Бролена и ее чувствах проскальзывало взаимопонимание; однако было отчетливо ясно, что открыться она не сможет.

Бролен смотрел на нее, не отрываясь, однако она не заметила в его взгляде ни влечения, ни желания, словно Бролен был лишен всего этого, и потому в его взгляде есть лишь снисходительность и рабочий интерес.

– Все в порядке? – поинтересовался он.

Аннабель сжала горлышко бутылки и сдержанно прошептала «да». Океан продолжал обрушивать волны к их ногам, природа была неумоима.

– Не думал, что смогу посмотреть на звезды отсюда, – заметил Бролен. – Видно плохо, но и то, что видно, кажется прекрасным.

Аннабель втянула голову в плечи, прижав к лицу мех воротника, и продолжала молчать.

Затем они еще час провели на пляже, разговаривая обо всем и ни о чем, впрочем, избегая серьезных тем, которые будоражили ее душу, заставляли вспоминать вкус слез. Нью-Йорк – город десяти миллионов одиночеств, и хотя исключения, конечно, бывали, Аннабель не стала подобным исключением.

Вдалеке замигали огни грузового судна, подходившего к новому Вавилону. Наступала ночь.

В аду нет ничего хуже звуков. Рейчел понимала это каждую минуту, каждый час, каждый день, проведенный здесь, среди проклятых. Место было просторным, крики людей раздавались приглушенно но, по правде говоря, редко.

Рейчел Фаулет, двадцати лет, съежилась, прижавшись к скале. Непрерывный поток воды больше не качал ее, как прежде, в ее первых снах; паника ушла. Сейчас она чувствовала себя безумной, ей казалось, что она ощущает струйку воды, вытекающей из-под скалы. Что видит потоки слюны, стекающей с морды чудовища, *Чужого*. Сложно было определить природу этого источника. Ручей вытекал из-за двери наверху или даже «из стены». Рейчел чувствовала себя погруженной в эту жидкость. Влага была со всех сторон.

Уже давно девушка утратила представление о времени.

И конечно, здесь не было ни солнца, ни луны.

Ей казалось, что рядом часами воет и лает собака. И слышать это было очень тяжело. Животное то жалобно таяло, то пронзительно скулило. Оно умоляло, чтобы это закончилось, да, именно так, *собака сама просила, чтобы ее убили!* Отзвуки страдания доносились до Рейчел. Несколько раз с той стороны стены раздавался скрежет: было слышно, как собака яростно царапается, хотя давно должна была бы уже устать и затихнуть.

...Рейчел подползла к своей отвратительной постели. Узкая комната, минимальный набор для выживания: таз с водой, пыльная кровать с ужасающе скрипящей ржавой сеткой. И свечи, которые освещали помещение.

Как она оказалась здесь? Она не знала этого. Рейчел бодро уселась на лошадь своей сестры Меган, как уже делала это не раз в течение недели, проведенной в ее доме. Часовая прогулка, спокойно: ни галопа, ни рыси – она уже думала о ребенке, лишь ощущение силы и гармонии между человеком, лошадью и лесом. Когда подошло время возвращаться, она свернула с тропинки в поле, чтобы срезать путь, и в ста метрах от дороги вдруг появился он.

Это он заботился о ней здесь. Приносил ей пищу. Сначала она думала, что он хочет изнасиловать ее. Но он ничего подобного не сделал.

Тогда.

Она плакала, когда больше не смогла спать: боль в горле стала невыносимой. Сейчас она дрожала от жестокого холода. Время от времени он приходил к ней, открывал дверь и садился, глядя на нее. Молчал. Его лицо оставалось бесстрастным. Все читалось только в его глазах.

Они блестели.

Потом он вставал и уходил. Однажды, едва он успел закрыть за собой дверь, Рейчел услышала вдалеке вопль. Женский. Крик быстро оборвался. Ей показалось, что она слышит детский плач, но не была в этом уверена. Тем более вода

шумела и трудно было определить точно.

Он пришел к ней с цифровым фотоаппаратом. Сделал только одну фотографию. Уходя, он обратился к ней. Рейчел не ожидала этого, не предполагала услышать его голос. Мягкий, почти дружеский.

– У тебя есть право на другую фотографию – потом, – сказал он. – Через несколько месяцев.

Рейчел закричала. Она бросилась к нему. Он оказался проворным, для него подобные жесты были обычным делом, он легко обездвигил ее. Очень сильно ударил ее по лицу, и Рейчел показалось, что он сломал ей нос. Затем снова врезал ей своим тяжелым кулаком. Дикарь. Рейчел увидела, как в воздухе разлетаются капельки ее собственной крови. Еще удар. И еще... Пока она не заскулила, как та собака, и не рухнула без сознания. Провалилась в темноту, запомнив серые зубы этого человека, обнажившиеся в улыбке.

Рейчел была измучена. Ее постоянно била дрожь.

И тогда она приняла решение.

Она должна это сделать. Это ее последний шанс. Она должна ему все рассказать. В конце концов, этот тип все-таки человек, может быть, ее слова сумеют что-то пробудить в нем.

В глубине своего вонючего карцера Рейчел ухватилась за последнюю надежду, наивно и отчаянно.

Она долго повторяла то, что готовилась рассказать ему. Она делала это так истово, что звук текущей воды и вой со-

баки перестали быть слышны.

Когда дверь открылась – он принес ей еду, Рейчел, чьи глаза смутно видели в темноте, сразу не заметила этого.

Она справилась и слабым, охрипшим голосом попросила: «Подождите!»

И увидела, как захлопнулась дверь, но на полу, подсвеченные ярким солнечным светом, у порога были видны две ступни.

– Подождите... – повторила она.

И заметила, что собака замолчала.

Не отвлекайся!

– Я хочу поговорить с вами, – с трудом добавила она.

Слова были тяжелыми, как камни.

Никакой реакции с той стороны двери. Но он был там, Рейчел видела тень от его ног. Он ждал.

– Послушайте, – простонала она. – Мне нужно вам кое-что сказать... Клянусь, что не пойду в полицию, я выдумаю любую историю, здесь темно, я не видела ваше лицо и не смогу опознать вас... Отпустите меня... Мистер... Мне надо уйти... Я... Я беременна... Я жду ребенка...

За дверью раздался глухой звук – человек сделал какое-то движение. Он открыл забранный толстым стеклом глазок и уставился на Рейчел. Сладострастно.

Грудь девушки болезненно сжалась, когда он насмешливым голосом ответил:

– Да? Я это прекрасно знаю. Поэтому ты здесь...

Два серых ириса – глаза Джека Тэйера – были устремлены на Аннабель.

– Не слишком ли рано? Мне надо было подождать, – поддразнил он ее.

Они были в кабинете вдвоем – в тесном помещении с двумя окнами, выходящими в будничную серость утра вторника.

– Я поручил Эттвелу и Коллинзу заниматься идентификацией людей, изображенных на фотографиях, мы же будем разгадывать шараду, – добавил Тэйер.

– Фразу, похожую на отрывок из псалма, написанную на латыни?

– Нет, открытку и ее текст. Ты не должна пить это дерьмо, – он указал на стакан с кофе, который держала Аннабель. – Портит желудок.

Женщина встала поздно; проведя вечер в компании Бролена, она ощутила безудержное желание достать из альбома несколько фотографий, на которых она была вместе с Брэди. Она долго думала о нем, пока слезы не упали на снимки и на бумагу – те письма, которые они писали друг другу в начале знакомства. Так она и заснула посреди воспоминаний, созданных «Кодаком», и рядом, увы, не оказалось заботливых рук мужа, чтобы ей было удобнее. Искренность Бролена, его

слова напомнили Аннабель, как сильно ей нужен Брэди.

– А, чуть не забыл: сегодня утром приезжают парни из Центрального управления Северного Бруклина – они хотят нам помочь. Нам с тобой выделили одного.

Аннабель подняла глаза и посмотрела на кипу папок с делами. Тэйер тем временем взял со стола пластиковый пакет с необычной открыткой внутри.

– На ней только отпечатки Спенсера Линча; этот Боб, автор письма, – осторожный тип.

– Повтори мне, что там написано, – попросила женщина. Тэйер взял мел и написал на доске, висевшей на стене:

«Ты растешь. Делаешь меньше глупостей. Теперь ты должен научиться быть как мы. Невидимым. Преодолей себя, прояви хитрость: в семействе Джона Уилкса ты найдешь JC 115. Маленькое примечание: это семейство возит на своей спине богатства земных недр. Оно обитает в верховьях Делавера... Будь достойным, и до скорого, мой маленький С. Боб».

Сбоку Тэйер приписал фразу, обнаруженную в доме Линча, – фразу, начертанную кровью нескольких жертв:

«Калибан наш бог, В нас жизнь, Ибо тело светит во мраке».

– Есть мысли, откуда взялось само имя «Калибан», Джек?

– Нет, я посмотрел в мифологическом словаре вчера вечером, ничего не нашел. Это может быть что угодно – заимствование из книги, фильма. Или простая причуда.

А имя на открытке – «Боб»?

Джек Тэйер нахмурился:

– По моему мнению, он подписался «Бобом» для анонимности, это простое, ничего не значащее имя, вероятно, даже не его.

– Ладно, давай пока оставим в покое его имя. Посмотрим на открытку – откуда она, когда был написан текст?

Тэйер поднес открытку к глазам. Сквозь пластик пакета были видны его морщины – следы усталости.

– Открытка напечатана недавно, а снимок на ней, я бы сказал, – начала XX века. На обороте есть имя производителя, можно с ним связаться. А как тебе текст?

Перечитывая загадочные фразы, Аннабель принялась покусывать авторучку.

– Очевидно, Спенсер только что присоединился к их семье. Этот Боб обращается к нему, как к «зеленому» подростку, новичку, почти мальчишке. Думаю, он приказывает ему быть осторожнее, стать невидимкой.

Она вспомнила слова Бролена, сказанные накануне. Частный детектив полагал, что Спенсер *знал* свою первую жертву.

И Боб просит Спенсера действовать осторожнее, словно дает ему совет. «Делаешь меньше глупостей»... Спенсер понял и не стал нападать на незнакомых людей.

Значит, Бролен был прав. Аннабель подумала о том, что сегодня утром он должен был отправиться в церковь. Да, в

интуиции ему не откажешь. И если бы там выяснилось что-то любопытное, он бы дал ей знать. Бывший коп не боится контактировать с полицией, он так и сделает, если что-то обнаружит. Он был ценным союзником, по крайней мере Аннабель на него надеялась.

– М-м-м. Что-то эта «семейная» история, которую нам предстоит распутать, начинает меня беспокоить.

– Чем именно?

Джек внимательно посмотрел на Аннабель.

– Боб просит его не делать глупостей и указывает ему на семью, которую надо *найти*. Джон Уилкс и этот JC 115. Быть может, они – будущие жертвы этих ублюдков.

– После ареста Спенсера у нас есть немного времени. Если Боб, или как его там на самом деле зовут, отдавал своим такие лаконичные распоряжения, значит, и нам не составит труда найти этих людей...

– В этом-то и весь вопрос, – нахмурился Джек. – Может быть, речь идет об испытании, необходимом для вступления в секту. Безымянную, безликую. Знаешь, трюк, типа «Если ты хитер, найдешь и вырежешь эту семью – браво! Так ты вступишь в наш клуб для избранных!» Понимаешь?

– Подожди, давай взглянем на этот приказ: «*В семействе Джона Уилкса ты найдешь JC 115*». У нас есть список всех Джонов Уилксов Восточного побережья? – спросила Аннабель.

Джек потряс перед ней конвертом из плотной бумаги.

– Уже проверили, и вот результат: семнадцать Джонов Уилксов, из них двое живут в штате Нью-Йорк.

– Джек, откуда я знаю это имя? Я уверена, что слышала его, но не могу вспомнить, в связи с чем...

– Да, я тоже, кажется, слышал это имя; впрочем, может быть, потому, что Джоном Уилксом Бутом звали убийцу Линкольна. Боб, вероятно, хочет затесаться в компанию убийц президентов или просто убийц.

– А JC 115, какая в этих знаках связь с убийствами? Все, что мне приходит в голову, это аббревиатура имени Христа.

– Не знаю, мне эти буквы и цифры ни о чем не говорят. Я попытал удачу в интернете, и мне выпал в первом случае убийца Линкольна, а во втором вообще ничего, кроме адреса порносайта Jane's Cunt 115, что само по себе очень трогательно.

Аннабель прижала к губам кончики пальцев. Она пыталась понять смысл фразы, которую перечитала снова: «*Маленькое примечание: это семейство возит на своей спине богатства земных недр. Оно обитает в верховьях Делавера...*». Она обдумала каждое слово, все возможные значения, подразумеваемую символику.

Ты приписываешь этому Бобу слишком серьезные способности, старуха, может, он и хитрец, но не гений!

И все же в тексте была одна зацепка – то, что должно было помочь понять остальное.

«...в верховьях Делавера...»

Аннабель вновь перечитала эту фразу, и у нее в голове возникла идея.

«Эта семья перетаскивает на своей спине земные недра...»

Она несколько раз щелкнула пальцами, покусала внутреннюю сторону щек, потом посмотрела на Тэйера.

– В верховьях Делавера – то есть в Пенсильвании и Нью-Джерси, штатах, где есть шахты, – заметила она. – В этих штатах живут какие-нибудь Джоны Уилксы?

– Разумеется, – кивнул Тэйер и взглянул на список. – Да, один в Нью-Джерси и еще двое – в Пенсильвании. Я свяжусь с ними, узнаю, есть ли у них в семьях кто-нибудь с инициалами JS, Джереми Саймон или Джеймс Салливан, например.

Аннабель по-прежнему размышляла, приложив указательный палец к губам. Тэйер озадаченно посмотрел на нее.

– По-моему, хорошее начало. Ты что, можешь предложить что-нибудь другое?

– Мне кажется странным, Джек... Не могу объяснить, но... Не думаю, что это как-то связано с персонажем по имени «Боб». Интуиция или еще что... не знаю.

Три коротких удара в дверь прервали их. Вошел мужчина тридцати лет: причесанные волосы, аромат афтешейва, бьющий в нос, костюм от «Армани».

– Сожалею, что прервал вас, я – Бретт Кахилл из Центрального управления Северной зоны, – представился он.

– Входите, входите. Так это вас мы будем всюду таскать

на спине? – усмехнулся Тэйер беззлобно. – А я ожидал старика или старушку. – С этими словами он перевел взгляд от Кахилла, казавшегося немного растерянным, к Аннабель. – Молодежь теперь в почете. Я чувствую себя Приамом среди собственных детей!

– Не обращайтесь на него внимания, инспектор Кахилл, устраивайтесь.

Кахилл положил кожаную сумку и повесил на «плечики» свое пальто. Это был красивый мужчина с тонкими чертами розового овального лица. «Он должен быть сердцеедом», – подумала Аннабель, забавляясь. И тут же заметила на левой руке инспектора обручальное кольцо.

– Капитан Вудбайн провел брифинг и рассказал о ситуации, он попросил нас помочь вам, – объяснил вновь прибывший. – Поэтому теперь я буду ходить за вами как приклеенный.

От него исходила величественная уверенность в себе, однако в ней не было ни намека на бахвальство, которого Тэйер не переносил. Бретт Кахилл, вероятно, имел отличный диплом, превосходные рекомендации и, возможно, талант, раз таким молодым оказался в Центральном управлении на Вильсон-авеню. Когда он подошел пожать руки, Тэйер отметил его энергичные движения, а затем обратил внимание на то, как под распахнувшимся пиджаком перекачиваются мощные грудные мышцы, обтянутые тонкой рубашкой.

Он следует античной теории, предполагающей, что в здо-

ровом теле живет здоровый дух. Разум и тело.

Молодых больше ничего не смущает, иногда они оказываются лучше, чем ожидаешь.

– Итак, с чего начнем? – спросил Кахилл с энтузиазмом.

Джек Тэйер протянул ему открытку. Он знал, что молодой инспектор сразу же попытается взять расследование под свой контроль – не из-за негативного настроения, просто это логично сочеталось с его обязанностями. А Тэйер даже не хотел ничего слышать про это.

– Вы займетесь открыткой. Установите, где и когда она была изготовлена, возможные места продаж, *et cetera...*

Если Кахилл и удивился его властному тону, он ничего не показал. Аннабель улыбнулась в кулак. Тэйер взял телефон и обратился к ней:

– А мы с тобой попытаемся найти этого JC 115.

Ветер откидывал назад длинные темные пряди волос, обычно наполовину скрывавшие лицо Бролена. Мягкие черты, квадратный подбородок, длинные ресницы – он мог бы оказаться крайне соблазнительным, если бы давно не расстался с мыслью, что ему это нужно. В утреннем холоде улиц он казался призраком.

Бролен свернул на Флатбуш-авеню, где еще сильнее чувствовалось ледяное дыхание океана. Главная местная артерия была широкой, как река, и прямой, как взлетная полоса. Вдалеке виднелось интенсивное движение – там начинался Манхэттенский мост.

Несколькими минутами ранее Бролен вышел из отеля, решив дойти пешком до церкви Святого Эдварда, это должно было взбодрить частного детектива. По дороге он достал свой мобильник и набрал номер Ларри Салиндро, портландского копа, с которым дружил вот уже несколько лет. Из-за разницы во времени Салиндро еще спал.

– Спасибо за пристальное внимание, – хриплым голосом произнес он. – Как дела в Большом яблоке?¹⁰

– Нормально. Ларри, мне нужна помощь.

– Давай, слушаю тебя.

Хотя их отношения стали чуть менее дружными и теп-

---

¹⁰ Одно из прозвищ Нью-Йорка.

лыми, чем раньше, Ларри Салиндро продолжал снабжать Бролена информацией по наиболее важным делам. Разрыв с прошлым иногда имеет такую особенность: слова и жесты, причинившие им обоим страдания, остались где-то внутри, в их сердцах, даже после долгого периода времени, проведенного врозь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.